

ДАГЕСТАН

dagjournal.ru

Колонка главного редактора

Мир не будет прежним!

— Видишь горы? — спросил приятель, указывая пальцем на лобовое стекло внедорожника, в котором мы ехали по гравийной дороге села Джурмут в зоне отгонного животноводства Бабаюртовского района.

«Какие горы тут могут быть, — думаю я про себя. — Миллион раз был на кутане, никогда горы не были видны оттуда!»

Был ясный солнечный день. Внимательно всмотревшись, я увидел с северной части за Терекком снежные вершины горного хребта, возвышавшиеся над равниной и уходявшие в небеса.

— Никогда не видел раньше, хотя бывал тут много раз! — изумился я. — Как они сейчас стали видны? — спрашиваю своего попутчика.

— Это от коронавируса, кажется... — ответил тот и уставился опять через стекло на отдалённые горы. Увидев вопрос в моих глазах, продолжил: — Не уверен, но думаю, что воздух очистился. Выхлопные газы, которые шли ежедневно от тысяч автомобилей, промышленных объектов, тяжёлой техники, в период самоизоляции прекратились. Вот и воздух стал чище, и открылись горы.

Я говорю, что доля правды в этих словах есть, но, думаю, доля эта ничтожно мала. Вряд ли от выхлопов автомобилей раньше образовывался такой туман, чтобы скрыть от глаз громадную цепь горного хребта. Возможно, эти горы всегда были там, но в суете и спешке куда-то мы не видели их,

или были невнимательны. Но что-то произошло. И горы, не видимые раньше, от чистоты воздуха открылись. Не зря в последнее время мы всё чаще слышим: «Мир никогда не будет прежним!».

Такое ощущение, что непонятный вирус из Китая взял планету за краешек подола, встряхнул пару раз — и всё перемешалось на земле. Мир стал иным, мы видим это. Где-то наблюдаются прояснения, как будто спала пелена — снежные вершины, кристально чистый воздух и бездонное небо. Где-то — та же дремучесть, абсурд и отсутствие логики и здравого смысла, и ты начинаешь думать: от коронавируса это или было до его прихода?

На подъезде к Сулакскому посту образовались длинные очереди автомашин, направляющихся в город. В салон каждой машины заглядывает полицейский, который контактирует с сотнями проезжающих лиц. Людей из собственных машин высаживают — им въезд запрещён, и пересаживают в общественный транспорт, где много народу. Вот такая борьба с инфекцией!

Налицо явное помутнение в головах тех, кто принимает такие решения, — не смотря на колоссальную работу органов федеральной и республиканской власти в борьбе с инфекцией.

Где-то прояснение, а где-то, наоборот, помутнение. Воистину, этот мир не будет прежним!

Магомед Бисавалиев

Содержание

- 4 *Андрей Меламедов*
«Янтарные»
перспективы сыроделия
- 12 *Равзат Идармачева*
По сюжетам
Священных писаний
- 16 *Генезис*
Сергей Лугуев.
Этика этноса
- 22 *Светлана Анохина*
Борис Войцеховский:
«Рисую, потому что
рисую»
- 30 *Влада Бесараб*
Утилитарные артефакты

Фото в номере: Гаджикурбан Расулов,
Татьяна Серебрякова

16+

ДАГЕСТАН

№ 3 (162) май — июнь 2020 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

36	<i>Культурный портрет</i>	52	<i>Константин Гусев</i>
Света	Представление	Коммунальный
роман	
44	<i>Максим Алимов</i>	60	<i>Александр Селимов</i>
Большое
видится на расстоянии		Лирика	
48	<i>Магомед Бисавалиев</i>		
Записки на полях			

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00418 от 22 апреля 2019 года.

ОГРН 1120572002066

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб.,
у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

«ЯНТАРНЫЕ» ПЕРСПЕКТИВЫ СЫРОДЕЛИЯ

С началом «санкционной войны» стало очевидно, что нормального сыра в России нет, и в ближайшей перспективе, скорее всего, уже не будет. Ситуация достаточно печальная, с учётом того, что люди старшего поколения хорошо помнят замечательные сыры, выпускавшиеся у нас в стране до перестройки. Пётр Вайль и Александр Генис в своей талантливой книге «Русская кухня в изгнании» вспоминают: «В России есть прекрасные сыры... не уступающие многим европейским и, конечно же, превосходящие американские». Увы, сегодня от них остались только названия — «Костромской», «Российский», «Угличский», «Ярославский», «Голландский». Названия остались, а самих сыров — настоящих, вкусных, ароматных, в магазинах не найти при всём желании.

О том, куда они пропали, а также о перспективах российского и дагестанского сыроделия корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с директором Аграрно-экономического техникума Джамалутдином Магомедовым. Выбор эксперта неслучаен. Джамалутдин в своё время окончил Вологодский молочный институт, работал на Ярославском молочном комбинате, был директором Кизилюртовского молокозавода, несколько лет проработал заместителем министра сельского хозяйства РД.

— Я большой любитель сыра и постоянно задаюсь вопросом, почему российские сыроделы вдруг разучились работать? Почему мы перестали выпускать замечательную линейку отечественных сыров, заменив её на что-то невразумительное?

— Тут целый клубок проблем. В СССР по сыру были ГОСТы и ТУ, исполнение которых очень строго (системно) контролировалось Госстандартом, санэпидемслужбой, Торгинспекцией. Сегодня же каждый завод имеет право разработать собственные ТУ, и при этом их исполнение практически никем не контролируется (формальные проверки Роспотребнадзора не в счёт).

Но даже если вернуть старые ГОСТы и обязать наши заводы работать по ним, хороший сыр они всё равно производить не смогут. Дело в том, что качественный продукт можно получить только из качественного, сыропригодного молока. А его в России в промышленных количествах нет.

— **Никогда не сталкивался с этим термином.**

— Речь идёт о молоке первого и высшего сортов с низкой бактериальной обсеменённостью. Попросту говоря, в молоке не должно быть болезнетворных бактерий бруцеллёза, лейкоза, туберкулёза и т. д. А с этим у нас в стране серьёзные проблемы.

— Не раз писал о том, что в Дагестане скот в массе своей, мягко говоря, не очень здоровый. Но не предполагал, что это болезнь общероссийская. А как же тогда эту проблему решали до перестройки? Не могла же она запустить в стране механизм того же бруцеллёза?

— Конечно же, нет. Ситуация за последние десятилетия в России изменилась не очень сильно. Просто львиная доля советских сыров выпускалась в республиках Прибалтики и в Украине, где совсем другое молоко. Когда у представителя швейцарской фирмы спросили, можно ли выпускать качественный швейцарский сыр в России, он ответил, что нет. А когда спросили то же самое про Украину, ответил, что возможно.

— **Информация убийственная, если честно.** В стране масса регионов «большого молока», сотни крупных перерабатывающих предприятий, а в сухом остатке практически ноль. Я имею в виду качественный сыр.

— На самом деле для большинства регионов, о которых вы говорите, сыр — далеко не главный продукт. Один из основных производителей молока в России

— Татарстан, к примеру, сделал ставку на производство сухого молока и кисломолочной продукции. По этому же пути пошли Воронежская область и Удмуртия. Регионы, расположенные вблизи крупных мегаполисов (Москва, Питер), очень быстро переориентировались на производство цельномолочной и кисломолочной продукции. Это, к примеру, Калужская область, Костромская, Владимирская. Нет, какое-то количество сыра в этих регионах, а также в целом ряде других выпускается. Есть здесь и признанные лидеры. Такие, как Алтайский край, Башкирия, специализирующиеся на производстве твёрдых сыров. Но потребности рынка при этом не покрываются даже близко. Это с учётом молочных регионов, расположенных вдали от крупных городов и вынужденных заниматься глубокой переработкой своей продукции.

— **И образовавшийся дефицит приходится покрывать поставками из Белоруссии?**

— Совершенно верно. Ежегодно эта страна поставляет на наш рынок более 30 тысяч тонн сыра.

— **Не очень качественного, кстати. Там тоже проблемы с сыропригодным молоком?**

— В целом белорусское молоко лучше российского. А проблемы с качеством обусловлены переводом отрасли на индустриальную платформу и «всеядностью» российского потребительского рынка. Ставка сделана на вал, а не на качество. Как следствие — повсеместно начали сокращаться сроки выдержки. А поскольку сыр — это продукт жизнедеятельности микроорганизмов, его вкус напрямую зависит от сроков и условий его созревания. При отсутствии же необходимой выдержки возникает необходимость применения различных химических усилителей вкуса, цвета и т. д. В итоге потребитель вместо сыра получает некий «сырный продукт». Согласитесь, что в условиях ажиотажного спроса по-другому быть и не могло. Сырный бизнес Белоруссии за счёт поставок в Россию ежегодно приносит в её казну более 226 млн долларов. Ну а то, что при этом страдает качество, производителей волнует не очень сильно.

— **Честно говоря, я предполагал, что вы в основном будете говорить о проблеме**

пальмового масла. И тут вот такой неожиданный поворот...

— Скажу и о пальмовом масле. Просто я хотел обрисовать проблему всесторонне. Чтобы читатели вашего журнала поняли, что даже при кардинальном решении «пальмовой проблемы» хороший сыр в России появится очень нескоро. И отнюдь не в промышленных количествах.

Ну а теперь о «пальме». Сегодня массовое производство сыра на большинстве российских, да и белорусских предприятий строится так. Молоко сепарируется, из него удаляется молочный (животный) жир, который заменяется жиром растительным. Стоит он в десять раз дешевле молочного, и поэтому производители в погоне за снижением себестоимости продукции начали активно его использовать. Как только заводов, работающих с пальмовым маслом, набралось достаточно много, остальные предприятия поняли, что проигрывают конкурентную борьбу, поскольку себестоимость производства сыра у «пальмовых сыроделов» значительно ниже. И вскоре такой вот «недосыр», сырный продукт начали выпускать на большинстве предприятий.

— А почему большинство потребителей не заметило подмены?

— Есть масса Е-добавок, при помощи которых можно добиться практически любого вкуса. То же самое касается цвета и консистенции продукта. Люди редко читают информацию на этикетках того же сыра.

А между тем там вся эта химия, как правило, указывается.

— Вывод напрашивается неутешительный. О хорошем сыре, выпускаемом в массовом количестве, нам стоит забыть.

— Всё верно. Хороший сыр сегодня можно найти лишь на небольших предприятиях, ориентированных на качество, а не на вал.

— Боюсь спрашивать о рассольных сырах, которые массово производятся в республике. Этот продукт ежедневно присутствует на столе практически в каждой дагестанской семье, и поэтому нашим читателям, уверен, будет интересно узнать, как обстоят дела в этом секторе сыроделия.

— Увы, ваши опасения не напрасны. Я очень хотел бы сказать, что наши сыры — лучшие в мире, но это будет очень сильным преувеличением. Нет, при желании хороший дагестанский сыр приобрести можно. Но стоит он будет достаточно дорого, потому что производится в очень небольших количествах. А львиная доля наших рассольных сыров — это весьма некачественный продукт. Дело в том, что сыр в Дагестане производят в основном от безысходности. Люди держат скот, получают молоко, которое некуда деть при отсутствии поблизости перерабатывающих производств. И чтобы как-то оправдать свой сельский бизнес, они вынуждены делать сыр. Согласитесь, безысходность — не лучший стимул для выпуска качественного продукта. Тем более что

оптовики закупают эти сыры по цене ниже себестоимости. А люди, чтобы получить за своё молоко хоть что-то, вынуждены соглашаться на их условия.

На федеральной трассе от Дербента до Кочубея сегодня работают десятки пунктов скупки сыров. Здесь сыр сортируют, лучшие образцы направляются на рынки Дагестана и городов России, а львиная доля формируется в крупные товарные партии и отправляется в Воронеж, на завод «Янтарь» в качестве сырья для производства плавленых сыров. В торговые сети этот сыр-сырьё не попадает, поскольку не может быть сертифицирован.

— На своих подворьях нельзя получить качественный рассольный сыр?

— Можно, конечно. Но при соблюдении ряда факторов. Во-первых, как я уже говорил, для производства сыра необходимо сыропригодное молоко. А его у нас нет. При этом 99 % производителей сыра не занимаются пастеризацией молока, что позволило бы убить болезнетворные микроорганизмы, содержащиеся в нём. Кто будет дополнительно замораживать за копейки?

Идём дальше. Расскажу, как сыр у нас готовился раньше. В молоко добавлялся сычужный порошок (измельчённая часть высушенного желудка животного), который способствовал свертыванию белка и запускал процесс ферментации. После этого сюда добавлялась сухая закваска, изготовленная из различных частей желудочно-кишечного тракта жвачного животного. Поскольку сыр — это продукт жизнедеятельности микроорганизмов, именно закваска, содержащая сухие штаммы, определяла вкус и характер будущего сыра. Чтобы вы поняли, насколько это важно, скажу, что при патентовании нового сорта сыра в обязательном порядке патентуется и закваска, поскольку без неё сыра не получить.

Сегодня же технологию производства сильно упростили. Сычужный порошок используют единицы, а основная масса производителей получает сыр при помощи «большой химии». О закваске у нас тоже забыли повсеместно, её практически не используют. Хотя некоторые исключения есть. В

ряде горных районов (Тляртинском, Кулинском, Чародинском) смогли сохранить рецепты предков, по которым и сегодня готовят сыры. В том же Тляртинском районе головки овечьего сыра обматывают травой (если не ошибаюсь, конским щавелем), а затем длительное время выдерживают. Так вот, ферменты, содержащиеся в этой траве, на каком-то этапе начинают «работать», придавая сыру особый характер и вкус. Есть ещё примеры грамотного использования опыта предков, но они, увы, единичны и общей картины не меняют.

Считаю, что в республике необходимо выработать стратегию продвижения на рынок именно этих, брендовых дагестанских сыров — экологически чистых горных продуктов, ориентированных на внешний рынок, на туристов.

— Получается, что большая часть наших рассольных сыров — это сырьё для производства «Янтаря»?

— К сожалению, это так.

— По статистике в республике производится 910 тысяч тонн молока, но перерабатывается при этом 8–10 % от общего объёма. Согласитесь, немного странная ситуация для отрасли: избыток молока, стратегического продукта, с одной стороны, и

но вижу, что основная масса молочных продуктов завозится извне. Понимаю, что мы немного отступаем от главной темы разговора, но не спросить не могу. Мы долгие годы пытались разобраться с реальным количеством дагестанских овец, а ситуацию с молоком как-то упустили. Насколько точны, по-вашему, статистические данные по молоку?

— Во время работы в Минсельхозе, я часто задавал вопрос о «пропавшем» молоке своим коллегам. И слышал в ответ: «Никуда оно не пропадает, его пьют люди и поят им телят». Объяснение, конечно замечательное, но к реальности оно отношения не имеет. Во времена СССР в Дагестане работало 8 крупных молокозаводов и более 30 мелких

недостаток промышленных мощностей для его переработки — с другой. И в итоге мы вынуждены отправлять в Воронеж десятки тысяч тонн сыра, произведённого от безысходности.

— На самом деле намного меньше, примерно 2 тысячи тонн. С учётом того, что на килограмм рассольного сыра уходит примерно 8 литров молока, это примерно 16–17 тысяч тонн молока в год.

— Напрашивается вопрос, а куда девается остальное? В наших магазинах своей продукции не очень много. Цифр не знаю,

сыродельных пунктов, на которых производилась цельномолочная, кисломолочная продукция, сыр и масло. В год они перерабатывали тут более 100 тысяч тонн молока. Допустим, ещё столько же молока получали на домашних подворьях (хотя на самом деле цифра намного меньше). Получается, что до перестройки в республике производилось максимум 200 тысяч тонн молока. С той поры количество скота в республике увеличилось на 25–30 %. Можно предположить, что молока сегодня у нас производится примерно 250–300 тысяч тонн. И уж никак не

910. Перерабатываем при этом втрое меньше продукции, чем при социализме.

— А есть возможность возродить в Дагестане промышленное производство рассольных сыров, чтобы прибыль не оседала в карманах посредников и не утекала в тот же Воронеж?

— Теоретическая возможность, безусловно, имеется, но для практической реализации необходимо будет решить огромное количество задач. Что, с моей точки зрения, при нынешней стратегии развития отрасли нереально. Во-первых, для улучшения качественных показателей исходного сырья, надо будет полностью перестроить работу ветеринарной службы и возродить зоотехническую. Это очень сложная, если не сказать невыполнимая задача при отсутствии политической воли и серьёзных бюджетных вливаний. Во-вторых, нам придётся завозить племенной скот, без чего не улучшить качественных показателей по молоку. Тут без комментариев. В-третьих, чтобы наши сыры оказались конкурентоспособными, надо будет вплотную заниматься вопросами улучшения кормовой базы. Сегодня основа кормового стола животного — фуражное зерно — на 80 % завозится из Ставропольского края.

Да, технические культуры, грубые корма в республике производятся, но при этом полноценных, качественных кор-

мов, обогащённых необходимыми микроэлементами, с привязкой к породам животных, к местности, к временам года, у нас нет. Это всё следствие отсутствия системного, грамотного подхода к работе отрасли. Отсюда и наши проблемы с качеством молока, не очень пригодного для промышленной переработки. И как при этом, по-вашему, мы сможем конкурировать с производителями молочной продукции из Ставрополя? Естественно, мы проиграем ещё на старте, их продукция по определению будет дешевле.

И поэтому я не устаю повторять: нет отдельной проблемы сыроделия. Есть проблема отсутствия комплексной стратегии развития животноводческой отрасли.

— По вашим словам, Дагестан, ранее бывший признанным центром сыроделия, из нынешней ямы выбраться не сможет?

— Если мы говорим о производстве продукции на промышленной основе, в обозримом будущем — однозначно «нет». Единственный выход я вижу в ставке на создание брендового продукта, о чём я говорил выше. Стала же общероссийским брендом наша баранина. Почему бы не заняться брендингом сырной линейки?! Как твёрдых сыров, так и рассольных.

Это задача для небольших мобильных производств. Таких, к примеру, как

«Сыроварня» Дагестанского аграрного университета, где сегодня производится почти два десятка сортов мягких и твёрдых сыров высокого качества. Продукцию этого предприятия закупают рестораны Москвы и Дагестана, крупные корпорации (тот же «Газпром»), иностранные туристы, жители республики, соскучившиеся по качественному сыру.

Почему этот проект «выстрелил»? Потому что к решению проблемы здесь подошли комплексно. Создали собственную кормовую базу, определились с поставщиками молока. 30 % его даёт учхоз, где имеется стадо породных здоровых животных, а 70 % закупается у КФХ «Умаров» из Карабудахкентского района. Там содержатся коровы голштинской породы, которых кормят по рационам, разработанным преподавателями академии. Зимой, к примеру, в рацион добавляются йодосодержащие корма, летом — люцерна, которая является одним из лучших белковых кормов. Ежеквартально специалисты-ветеринары проверяют стадо на предмет инфекционных заболеваний, мастита. В общем, ведётся каждодневная рутинная работа, которая в идеале должна быть организована во всех животноводческих хозяйствах республики.

Естественно, закупочные цены на такое молоко значительно выше среднереспубликанских, и при этом проблем с реализацией

у КФХ «Умаров» нет — вся продукция уходит с колёс.

При всех дополнительных затратах рентабельность «Сыроварни» составляет 30–40 %, для агропромышленной отрасли это очень хорошо. Именно поэтому у проекта уже начали появляться последователи — сразу пять бизнесменов, не сговариваясь, закупили импортное оборудование для производства сыра. Мы постоянно консультируем их, и они прекрасно понимают, что это только начало пути. Что предстоит закупить породных животных, построить современные фермы с роботами-дойрами, создать собственную кормовую базу. Они к этой работе готовы. Сейчас решаются проблемы кооперации 1–2 уровня, планируем в будущем создать современный агропромышленный парк. В общем, работаем согласно нашей Концепции развития горного сыроделия, ориентированной на развитие кооперации и создания единой логистикой цепочки сбыта брендовых сыров Дагестана.

Кстати, ставка на бренды (и не только в сыроделии), на мой взгляд, должна лечь в основу работы правительства республики. Понятно же, что ставка на вал у нас обречена на неудачу. А вот бренды, с учётом нашей экологии, новых туристических маршрутов и т. д. вполне могут «выстрелить». И выстрелят непременно, если этим начать заниматься.

Равзат Идармачева,
научный сотрудник
ДМИИ им. П.С. Гамзатовой

ПО СЮЖЕТАМ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ

Недavno завершились священная Пасха у христиан и священный для всех мусульман месяц Рамадан. Общеизвестно, что в Коране, Библии, Торе описываются деяния одних и тех же пророков. В Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой имеется коллекция офортов, книжных эстампов, некогда иллюстрировавших издания Библии, напечатанных во Франции и Нидерландах в XVIII веке.

Уникальные гравюры были изъяты из библейских книг как самостоятельные произведения графики. Они были переданы в музей Дагестана в 1920–1940 гг. Малую часть — это 6 эстампов из 41 — мне удалось атрибутировать как иллюстрации, изъятые из Библии Моро, изданной во Франции с 1793 по 1798 годы. Это «Новый Завет на латыни и французском языках, перевод Sacy (Луи-Исаак Леметр де Саси (Louis-Isaac Lemaistre de Sacy) – ред.). Издание украшено иллюстрациями, выгравированными по рисункам Моро Младшего».

Жан-Мишель Моро (Jean-Michel Moreau, 1741–1814) – французский живописец, иллюстратор, работавший в стиле неоклассицизма. В данном издании он выступил как художник, все рисунки к офортам были созданы им. Все 6 гравюр повествуют о деяниях Иисуса и снабжены надписями-легендами на французском языке. Не секрет, что божественная фигура Иисуса – центральная в Новом Завете, находит также в Коране

упоминание: как пророка Исы, сына Марьям (Мари).

Большая часть коллекции эстампов (35 офортов) относится к другому изданию Библии, включающему Ветхий и Новый Заветы. Гравюры снабжены легендами на английском языке. Их происхождение спорно, но можно предположить, что эти 35 офортов украшали 12 томов Библии К.-П. Мари-лье, французского издателя, выпущенной в 1789–1804 гг. Хотя стилистические особенности рисунка подсказывают, что печать производилась в Нидерландах, являвшихся с XVI века одним из ведущих центров печатного искусства.

Хотелось бы подробнее рассмотреть сюжеты четырёх офортов из этой серии и провести аналогии между персонажами, упоминаемыми в священных писаниях (Библии и Коране).

На двух иллюстрациях из серии 35 офортов изображён ветхозаветный сюжет об Иосифе. Изображение повествует ключевую главу: наступление периода засухи в Египте, предсказанной пророком Иосифом (Иусуфом) после растолкования им сна фараона. В Коране в суре «Иусуф» кратко пересказывается жизнеописание пророка.

Раскрытие сюжета в Библии, Ветхий Завет, Бытие, 41 глава, стихи 54, 56:

«И наступили семь лет голода, как сказал Иосиф. И был голод во всех землях, а во всей земле Египетской был хлеб».

«И был голод во всей земле; и отворил Иосиф все житницы, и стал продавать хлеб Египтянам. Голод же усилился в земле Египетской».

Раскрытие сюжета в Коране, 12 сура «Иусуф», аяты 46, 47, 48 (здесь и далее используется обращение к тексту Корана в переводе Э. Кулиева):

«Он сказал: О Иусуф (Иосиф). О правдивый муж. Поведай нам о семи тучных коровах, которых пожирают семь тощих, а также о семи зелёных колосьях и семи высохших, чтобы я вернулся к людям. Быть может, они уразумеют».

«Он сказал: Семь лет подряд вы будете усердно сеять, то, что вы пожнёте, оставьте в колосьях, за исключением небольшого количества, которое будете есть».

Сюжет «Иаков,
благословляющий сыновей Иосифа»

Gen. XLVIII Ver. 20. He blessed them.

«Затем наступят семь тяжёлых лет, которые поедят то, что вы приготовите для них, кроме небольшого количества, которое вы сбережёте».

На второй гравюре, подписанной «Бытие, глава 48, стих 20», изображён библейский сюжет, завершающий жизнеописание Иосифа, после воссоединения с семьёй, — сцена благословения Иаковом своих внуков (сыновей Иосифа).

В Коране не упоминается данная сцена, но говорится о благополучном воссоединении пророка со своей семьёй и отцом, пророком Якубом (Иаковом) и братьями

— после их переезда в Египет к Иосифу (Иусуфу).

Одним из часто упоминаемых ветхозаветных пророков в Коране является Муса (Моисей). Этому персонажу посвящены две другие гравюры из Библии К.-П. Марилье. Тема исхода иудейского народа из Египта. Сам исход обозначен кратко, нет длительного описания сорокалетнего странствия. Но множество раз упоминается противостояние пророка и фараона.

Притча о даровании Мусе (Моисею) Богом посоха, превращающегося в змею, как оружие внушения для царя. Тем символичнее смысл: змеи и посоха (скипетра) – символов царской власти фараона.

Раскрытие сюжета в Библии, Ветхий Завет, Исход, 7 глава, стихи 9, 10, 11, 12, 13:

«Если фараон скажет вам: сделайте чудо, то ты скажи Аарону: возьми жезл

твой и брось перед фараоном — он делается змеем».

«Моисей и Аарон пришли к фараону и сделали так, как повелел Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем».

«И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами»:

«Каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Ааронов поглотил их жезлы».

«Сердце фараоново ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил Господь».

Раскрытие сюжета в Коране, 20 сура «Та ха», аяты 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24:

«Что у тебя в правой руке, о Муса (Моисей)?»

«Муса (Моисей) сказал: Это мой посох. Я опираюсь на него и сбиваю листья для моих овец (или отгоняю им моих овец). Я нахожу ему и другое применение».

«Аллах сказал: О Муса (Моисей)! Брось его».

«Он бросил посох, и тот превратился в змею, которая быстро двигалась».

«Возьми её не бойся. Мы вернём её в прежнее состояние».

«Мы покажем тебе некоторые из Наших величайших знамений».

«Ступай к Фараону, ибо он преступил границы дозволенного».

Раскрытие сюжета в Коране, 20 сура «Та ха», аяты 70, 71:

«Колдуны пали ниц и сказали: Мы уверовали в господу Харуна (Аарона) и Мусы (Моисея)».

«Фараон сказал: Неужели вы повели ему без моего соизволения? Воистину, он старший из вас, который научил вас колдовству. Я отрублю вам руки и ноги накрест и распну вас на пальмовых стволах. Вот тогда вы узнаете, чьё наказание суровее и долговечнее».

Наглядна схожесть приведённых сюжетов и притч из двух священных писаний, возникших в письменном виде с разницей около полутора тысяч лет.

Таким образом, принимая во внимание исторические данные, а также схожесть многих действующих лиц, событий в Библии и Коране, очевидно, что они исходят от единой древнейшей семитической монотеистической традиции. Традиции, которая нас объединяет, несмотря на разногласия.

Сюжет «Одно из чудес, сотворенных Иисусом.
Обретения зрения слепым»

Page 127

Tom. II. Pl. 75.

Tant que je suis dans le monde, je suis la lumière du monde.

S. Jean, Ch. 9, v. 5.

J. M. Moreau le J^e inv^t

V. Langlois le J^e Sculp^t

Сюжет «Тайная вечеря,
Иисус в окружении учеников»

Page 169.

Tom. II. Pl. 80.

Je m'en vais à celui qui m'a envoyé, et aucun de vous ne me demande où je vais.

S. Jean, ch. 16, v. 5.

J. M. Moreau le J^e inv^t

V. Langlois le J^e Sculp^t

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Угощение для гостя подносилось уже после чаепития: мясные блюда, пироги, плов и проч. Зная этот порядок, гость обычно затягивал чаепитие до появления на столе первых блюд. Обычай чаепития, развившийся у народов Южного Дагестана, по всей вероятности под влиянием Азербайджана, распространился с конца XIX — начала XX в. по всему Дагестану, с разной, однако, интенсивностью.

У народов Западного Дагестана, например, чаепитие более или менее вошло в быт где-то в предвоенные–послевоенные годы, да и не привилось особенно. Со второй половины XIX в. чаепитие и, соответственно, угощение гостей чаем основательно привилось в Северном и Центральном Дагестане.

Здесь чай гостям чаще всего предлагался к концу трапезы.

* * *

Ближе к концу XIX – началу XX в. в среднесостоятельных и зажиточных домах дагестанцев привился новый вид утвари —

самовар. Чаще всего домочадцы им редко пользовались и преимущественно ставили его на стол для оказания радушия и уважения гостю. У народов Южного Дагестана самовар привился в быту в гораздо меньшей степени, и вероятно именно потому, что там уже сложилась своя, ставшая традиционной, культура чаепития.

* * *

Нередко хозяин, оказывая гостю подчёркнутое радушие, с приходом гостя и в его честь резал барана, овцу, реже телёнка, иногда козла, ягнёнка. В этих случаях отваренную голову заколотого животного на подносе приносили и ставили перед гостем. Гость, как уже отмечалось, не торопясь, медленно, отрезал ножом или отрывал руками небольшие кусочки мяса от головы и угощал ими присутствующих (уши и околоушное мясо тем, кто помоложе, глаза и кусочки лобной части головы — тем, кто постарше), сам пробовал несколько кусочков и отсылал блюдо из комнаты. Если к столу подавалась отварная голова, подаренная кем-либо, купленная хозяином, или голова животного, зарезанного до приезда гостя, то она ставилась уже не перед гостем, а перед хозяином. В этих случаях наиболее «почётные» и другие части головы клал перед гостем и присутствующими хозяин, разделявая её.

* * *

Мытьё рук перед едой было обязательным: здесь перемешались и традиционные гигиенические представления, и традиции освящения всего, что связано с пищей, продуктами питания, и шариатско-коранические требования. У лакцев и соседних с ними арчинцев до наших дней сохранилось выражение «не льющие воду на руки гостя» в смысле «нехлебосольный», «негостеприимный» с подтекстом «не соблюдающий элементарных норм, унаследованных от предков».

* * *

С соответствующими значениями сохранилось в быту табасаранцев, рутульцев, цахуров выражение (упрёк, насмешка):

«когда у вас последний раз гость руки помочил?». Обращает на себя внимание, что в этих и им подобных выражениях акцент делается не на пищу, еду, не на крыше над головой, постели и проч., а на мытье рук, что само по себе является ярким свидетельством стародавности традиции мытья рук перед потреблением пищи.

* * *

Гость в доме дагестанца — это лицо, лишённое всякой инициативы в отношении реакции на отсутствие бытовых удобств, состава блюд, их качества и проч. Выразить даже в самой завуалированной форме неудовлетворённость предоставленными ему хозяином помещением, постелью, пищей, напитками — значило бы проявить бестактность, граничащую с неуважением к хозяину, его дому и его домочадцам. Исключение делалось как раз в отношении мытья рук: по этическим нормам дагестанцев пожелание гостя, высказанное забывшемуся хозяину, помыть руки перед едой, как неучтивость не воспринималось.

* * *

Процесс угощения приезжего завтраком, обедом, ужином был не только удовлетворением потребностей гостя, но и целой системой ритуализованных предписаний, а также ограничений и запретов, представлявших в совокупности детализированный церемониал. Гость за столом не выказывал, как бы ни был голоден, особого аппетита, но и ни в коем случае не демонстрировал недовольство пищей, блюдами: угощался размеренно, неторопливо, захватывая пищу небольшими порциями, маленькими ломтиками, кусочками.

* * *

Между хозяином и гостем постоянно возникало «этикетное противостояние»: первый многократно напоминал гостю о еде, предлагал попробовать того и другого, просил чувствовать себя свободно, плотно покушать, то и дело подкладывал гостю наиболее лакомые куски, порции и т. д. Гость, соблюдая стародавние этикетные

нормы, утверждал, что он не стесняется, хорошо угощается, ничего из предложенного ему за столом не отвергал, но ел крайне мало, именно угощаясь едой, а не насыщаясь ею.

* * *

Трапеза заканчивалась, когда есть и пить прекращал гость: до этого ни хозяин, ни присутствующие не могли прекратить приём пищи.

* * *

Соблюдение норм этикета иногда могло поставить гостя в затруднительное положение. Посторонний предмет, случайно попавший в еду (волос, например) гость должен был либо незаметно для остальных убрать, либо, сделав над собой усилие, проглотить вместе с пищей. Оставить эту случайную примесь в посуде с остатками еды гость не мог.

* * *

Также, следуя этикету, гость «не замечал», что пища пересолена, слегка подгорела, не доварена или недопечена.

* * *

В лакских селениях Акушинского р-на, у гунзибцев, у кумыков сел. Нижнее Казанище и Нижний Дженгутай нами записана ещё одна гостевая норма, характерная когда-то, скорее всего, для всех народов Дагестана. Подавая к столу какое-либо редкостное для данной округи блюдо, фрукты, напитки (напр., жареную красную рыбу, цитрусовые, ликёр и др.), хозяин говорил гостю примерно следующее: «Вот, попробуйте, я сам не знаю, что это такое, но люди хвалили. Вы-то, я уверен, пробовали это многократно». Иначе говоря, хозяин, оказывая гостю знаки внимания, в то же время старался не задеть его самолюбия: мы-де угощаем гостей такими яствами, что вам и не снились. Слегка попробовав предложенное (напр., те же цитрусовые), гость делал примерно следующее замечание: «Вкусно. Однако мне кажется, что даргинские сливы (гимринские груши, ахтынские яблоки) гораздо ароматней и вкусней». Это следовало понимать так: «Дорогой хозяин, не надо особенно изощряться, чтобы угодить

мне: я с благодарностью могу довольствоваться тем, что у тебя под рукой».

* * *

Благодарность за пищу гость адресовал только Богу; выражение благодарности хозяину ни в какой форме не допускалось.

* * *

Гость посчитал бы себя оскорблённым, если бы хозяин дома в его присутствии вздумал бы отчитать или даже сделать краткое замечание своей супруге, дочери, члену семьи в отношении количества или качества приготовленной пищи, времени её подачи, расторопности и проч. Подобные замечания выходили за рамки этикетных отношений.

* * *

Более того, неписанные нормы гостеприимства категорически запрещали хозяину в присутствии гостя проявление недовольства поведением члена своей семьи. Это недовольство гость мог отнести на свой счёт как

форму неприязненного отношения к собственной персоне.

* * *

Количество чуреков, лавашей, лепёшек, пирогов, одновременно подносимых к столу гостя, должно было быть нечётным. У дагестанцев чётко установилась эта традиция: чёткое количество хлебных изделий гость мог воспринять как знак: «С обедом (завтраком, ужином) надо покончить по-быстрому, ждут неотложные дела». Так же мог воспринять гость поведение хозяина, ломающего на куски очередной чурек, когда куски предыдущего ещё лежат на столе.

* * *

Подобный же намёк он мог узреть, если к столу подавался чурек, уже разломанный на куски, или разрезанные пироги (чуду).

* * *

Нередко одни и те же акты действия имели неадекватное «прочтение» в различных районах Дагестана. Например, такой знак уважения к гостю, как подача к столу предельно маленьких размеров пельменей, голубцов, долма, печенья (характерный для кумыков и большинства народов Южного Дагестана), был почти исключён у аварцев, даргинцев, лакцев, традиционно потчевавших приезжих и пришедших соответствующими кулинарными изделиями более внушительных размеров.

* * *

Горец Центрального и Западного Дагестана, демонстрируя гостеприимство, ставил перед приезжим посуду, наполненную хинкалом, бульоном, супом, кашей до краёв. Что совершенно исключалось у тех же кумыков и большинства народов Южного Дагестана: здесь соответствующая посуда заполнялась наполовину или немногим больше.

* * *

Целый ряд запретов, точнее — неэтикетных норм поведения, обязательно

учитываемых всеми участниками застолья, в первую очередь касался именно гостя. Так, считалось недопустимым складывание костей в тарелку, миску, пиалу, в которых кушанье подано; крайне неприглядно выглядел бы за столом облизывающий губы, пальцы, приносящийся к пище, дующий на неё или её перемешивающий ложкой, чтоб она остыла; с шумом, придыханием поедающий недостаточно остывшую пищу, перекатывающий её во рту; пьющий воду, другие напитки, запрокидывая голову, большими глотками, издавая при этом характерные горловые звуки; берущий посуду или посуду с жидкостью жирными руками и проч.

* * *

Ухаживая за гостем, хозяин вовремя подавал или пододвигал к нему ложку, вилку, нож, стакан, блюдо и проч. Убирал в сторону стоявшие перед гостем пустые кувшины, кружки, стаканы, подносил уголёк к трубке или самокрутке гостя, если последний был курящим. Всё это и многое другое гость не мог себе позволить, как бы ни хотелось ему оказать уважение хозяину дома или кому-либо из присутствующих.

* * *

Если бы гость, пользуясь гостеприимством той или иной семьи, выложил бы на стол свои подорожники (еду, захваченную из дома), хозяин счёл бы себя оскорблённым. Однако считалась допустимой и даже благоденственной раздача гостем этих продуктов маленькими порциями детям селения. Дети же, даже из весьма обеспеченных семей, без зазрения совести принимали это угощение (кусочки хлеба, сыра, мяса и др.) и тут же с удовольствием поедали: считалось, что такая еда благотворно сказывается на росте и физической силе. Иначе говоря, здесь, как и в других случаях, гость наделялся сакрально-позитивным началом.

* * *

По нормам этики гость позволял себе раздавать продукты, по качеству заведомо хуже, чем те, которыми угощал его хозяин дома. В противном случае он поставил бы в неловкое положение и своего хозяина, и себя. Весьма показательна, иллюстративна в этом плане песня-частушка, в которой молодая женщина-лачка бахвалится достатком своих родных:

*«Тул ниттил цадакьалун
Кьали арцул бачИайссар,*

*Ттул лас-къатлул буттукъран
Багъа бишин къашайссар.
Ттул буттал хъамаллурал
Къяла ччатIру бачIайссар,
Ттул уссийчIан бувкIминнал
Нагъ-нисру дачIайссар!»*

«Моя мать в благодеяние
Меру серебра раздаёт,
Мои сундуки с приданным
Оценить невозможно.
Гости моего отца
Белый хлеб раздают,
Те, что приходят к брату,
Масло и сыры раздают!»

* * *

Дети, даже самые маленькие, в случае подобных раздач-угощений не толпились вокруг гостя, не бросали в его сторону выжидательные взгляды, подходя к приезжему и принимая его «гостинец» только лишь в том случае, если их окликнут, подзовут, или если гость сам подойдёт к ним: «Хъамаличунал бутIавату увксса» — «гостевой пай переросший» — одно из определений мальчика или девочки доподросткового возраста в сел. Балхар. То же определение, с тем же значением мы находили у лезгин Самурской долины и у засулакских кумыков.

* * *

Отшлифованная веками утончённость взаимоотношений «хозяин – гость» прослеживалась и во многих других ситуациях. В подавляющем большинстве случаев гость одаривал хозяина и (или) домочадцев какими-либо подарками — одна из инноваций, закрепившаяся в быту дагестанцев. Это могли быть и продукты питания (сыр, масло, мёд, урбеч, фрукты), и одежда, украшения, материал на одежду, обувь, предметы быта, вещи для личного пользования (кисет, табакерка, трость, гребни и расчёски и проч.).

* * *

Если же гость, кунак намечал одарить хозяина значимым по стоимости подарком (например, ковром, дорогим оружием, сбруёй и др.), то он вручался в самый по-

следний момент, непосредственно перед отъездом, когда вещи приезжего сложены, и подарки от хозяина уже получены. В противном случае гость, сам того не желая, как бы диктовал хозяину условие поднять степень гостеприимства до степени стоимости подаренного или изыскать возможность для равноценного ответного подарка.

* * *

В любом случае ценность взаимно даримых вещей с обеих сторон подчёркнуто преуменьшалась («за ковёр я заплатил шерстью; у меня её столько накопилось, что я уже не знал, куда её девать»), «кинжал мне подарили за небольшую услугу, вот, решил преподнести его тебе», «вот это седло черкесской работы там, у них, можно купить за бесценок» и т. д. — примерные тексты, сопровождающие вручение подарка).

* * *

Создать максимум удобств гостю, охранять честь, достоинство, жизнь и имущество гостя, активное участие в решении проблем гостя — всё это считалось безусловной обязанностью хозяина дома, его домочадцев, родственников и, в конечном счете, всего джамаата.

БОРИС ВОЙЦЕХОВСКИЙ:

«РИСУЮ, ПОТОМУ ЧТО РИСУЮ»

Может быть, это прозвучит нескромно, но я считаю, журналу «Дагестан» очень везёт с авторами. И не только со штатными, которые, понятное дело, все молодцы и красавчики, но и с внештатниками. Как нам удаётся заполучить их, почему эти прекрасные, талантливейшие люди соглашаются отдавать в журнал свои тексты, учитывая далеко не царские гонорары, не понимаю до сих пор. Не понимаю, но очень радуюсь, что такое происходит. Борю, то есть Бориса Войцеховского, все наверняка запомнили; он писал для нас, мы с ним дружим, и иногда кажется, что в Дагестане он не меньше времени, чем в своей Москве. А проектов, связанных с Дагестаном, у него определённно больше. Мы поговорили с Борисом, чтоб узнать, почему это произошло, откуда взялись «махачкалинские лимерики», зачем в древнем ауле фигуры женщин из пенокартона и кто имеет право писать о Дагестане.

Светлана Анохина

КУБАЧИ — ЗНАМЕНИТЫЙ АУЛ
В ДАГЕСТАНЕ, ИЗВЕСТНЫЙ
ЖИВУЩИМИ ЗДЕСЬ МАСТЕ-
РАМИ-ЮВЕЛИРАМИ, А ЕЩЕ —
ВКУСНОЙ ЕДОЙ, КРАСИ-
ВОЙ ПРИРОДОЙ И
ПРЕКРАСНЫМИ ЖЕН-
ЩИНАМИ. ОНИ ПЕКУТ
ПИРОГИ — ЧУДУ. В
ОТВЕТ Я ДАЮ ИМ
«ПИРОЖКИ».*

*«ПИРОЖКИ» — КРОШЕЧНЫЕ
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ БЕЛЫМ
ЧЕТЫРЕХСТОПНЫМ ЯМБОМ. В
НИХ НЕТ РИФМЫ, ЗНАКОВ
ПРЕПИНАНИЯ И ЗАГЛАВНЫХ
БУКВ. ГОВОРЯТ, ЧТО ЖАНР
«ПИРОЖКОВ» ВОСХОДИТ
К ПОЭТИКЕ ОБЕРИУТОВ.
НЕ НУЖНО ВОСПРИНИМАТЬ
ИХ СЕРЬЕЗНО. ОСОБЕННО
КУБАЧИНЦАМ.

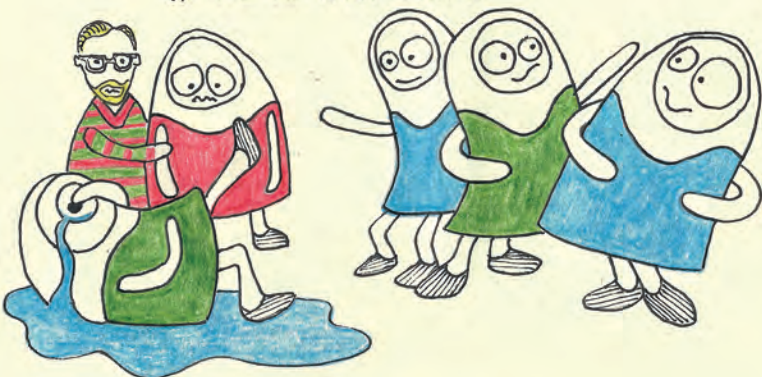

БОРИС ВОЙЦЕХОВСКИЙ ©

КАК МНОГО НЕРВНЫХ И НАТУЖНЫХ
НЕНУЖНЫХ СВЯЗЕЙ СТРАННЫХ ДРУЖИБ
ПОСЛАЛА Б НАФИГ ВСЕ ЗАИРА
НО ВДРУГ ОБИДИТСЯ ТУХУМ

УЗНАВ, ЧТО МУЖЕМ СТАЛ ЗАИРЫ
НЕ УГБУГАН А ЧЕРТ-ТЕ КТО
ОДНИ РЫДАЛИ КУБАЧИНКИ
ДРУГИЕ ЖЕ ХАХА БАХЗАЙ

— Мне сейчас даже вспомнить сложно, когда мы с тобой познакомились. Сначала дружила с Заирой Панаевой, а потом вы поженились, и я сильно обрадовалась, потому что ты «свой». Но я всегда воспринимала тебя как коллегу, как журналиста. И когда увидела первые твои графические работы, даже не поняла, чьи они, решила: вот здорово — Заира художник, Боря пишет, прекрасный тандем. А оказалось...

— У меня в жизни много разнообразных нереализованных loves. Рисование — одна из них. Рисовал я с самого детства, что не удивительно, половину детства я провёл в доме своей сухумской бабушки — достаточно знаменитого в Абхазии художника Ольги Брендель. Бабушка считала, что у меня талант. А потому около своего мольберта ставила мольберт поменьше и внимательно следила за тем, чтобы линии мои были верны, рука тверда, а цвет разнообразен. Художественную школу я окончил на все пятёрки, но вот тут-то и началась череда обломов. Хотел поступить в Сухумское художественное училище — в Абхазии началась война. Хотел поступить в художественный вуз в Москве, но тут уже и бабушка-художник, и папа-художник стали дружно меня от этой затеи отговаривать: мол, не время сейчас, художники в полной жопе, тебе нужна профессия понадежнее... В общем, художником я не стал, о чём время от времени жалею, хотя, с другой стороны, меня вполне устраивает и то, что есть. А рисовать можно и для себя — чем я время от времени и занимаюсь. Журналистика же даёт возможность рисовать не просто так, а придумывая всякие истории — от совсем дурацких до, вроде бы, нет.

— Насколько я помню, история Амузги — это уже третий, а то и четвёртый твой проект, непосредственно связанный с Дагестаном.

— Я и сам сбился со счёта. Первым проектом была серия так называемых «махачкалинских лимериков» — таких стишков про тех, кого я в Махачкале знаю, или с кем

был не прочь познакомиться. Вторая — крошечная отрисованная книжечка про Кубачи. Следом была выставка «Кубачи, пирожки и туманы» в махачкалинском Нацмузее, за которую я бы хотел сказать огромное спасибо Джамиле Дагировой — самому мне бы никогда в жизни не хватило наглости решиться на такую авантюру. Ну а затем пришла пора Амузги.

— Боря, расскажи подробнее. Что, зачем, почему именно Амузги?

— Потому что перепахало. Впервые я оказался в Амузги лет пять назад, когда на правах ещё даже не жениха приехал в Кубачи — родовое село своей будущей жены. Об этой поездке можно было написать отдельную историю хотя бы потому, что накануне её моя будущая теща рассказала односельчанам, что её дочь приедет вместе с мужем. А я-то — ни ухом, ни рылом, и даже предложение ещё не сделал.

— Тут я должна всплеснуть руками и проговорить что-то вроде «вуй-вуй, куда кОтится мир!»

— Давай, но только быстро. В общем, не успели мы распаковать вещи, как в дверь начали стучать. Открываем — там соседка, одной рукой стучит, во второй держит огромное блюдо с пловом, в третьей — конверт с деньгами. Женщина пришла нас поздравить, о чём мы догадались далеко не сразу... Далеко не сразу мы с Заирой отправились и в Амузги, но как только туда добрались (а это нужно идти по горной тропе минут

сорок, да ещё и под раскалённым солнцем), я немедленно понял, что оно того стоило.

Сложно объяснить, но Амузги мне показались каким-то совершенно сказочным местом, местом будто бы из какой-то другой реальности — реальности практически стёртой, а потому требующей немедленной реставрации. Ну, представь: я — городской чувак, а тут — полуразрушенные дома, камни, заросшие ржавым мхом, обвалившаяся сторожевая башня, скалы и горы, неподвижно висящая в воздухе фиг знает какая маленькая птичка, хлеб и сыр в моём рюкзаке, и расстройство от местной родниковой воды в желудке. От такого воображение у кого хочешь разыграется. Вот у меня и разыгралось. А тут ещё из единственного более-менее целого амузгинского дома вышла единственная жительница аула: маленькая, словно та птичка, старушка Патмат. Единственная жительница аула! И у меня в голове всё перевернулось окончательно.

С тех пор, как говорится, прошло много лет...

— Да, тут титры, пожалуйста.

— И все эти годы я пытался придумать, как рассказать об Амузги другим людям, как заставить их поверить, что это место было когда-то живо, что здесь рождались и умирали, делали глупости и совершали подвиги, смеялись и плакали, проигрывали в карты варёные яйца и проклинали советскую власть, потому что было за что. Я стал искать амузгинцев. Я стал разговаривать с амузгинцами. Я стал записывать их истории. Я вырезал из пенокартона фигуры

амузгинок, чтобы, расставив их в мёртвом ауле, вдохнуть в этот аул хоть немного жизни. Так родился проект «Оживляя Амузги».

— Да, слушай, я же помню! Только не сразу поняла, что это реальные фигуры, и ты шастал по селу, их расставлял. Думала, что фотошоп, коллаж, я не знаю...

— Ну, там не очень удалось, фигуры довольно быстро сдул ветер. Мне же хотелось, чтобы память жила чуть дольше. И тогда я снова стал рисовать — на этот раз графическую повесть, основанную на услышанных рассказах, охватывающих период с начала 40-х годов до наших дней. То есть с депортации амузгинцев на чеченские земли до окончательной смерти аула.

— Ты заметил, что героини почти всех твоих проектов женщины?

— Во-первых, это просто красиво, потому что все женщины — прекрасны. Во-вторых, кубачинки (а в основном героини у меня именно они) очень живописны чисто графически и очень узнаваемы со своими широкими платьями, казами и мучалом за спиной. Но главное это то, что, как мне кажется, они, женщины, и есть сама жизнь. Как бы ни выпендривались мужики, именно женщины не только рожают нас на свет, но и делают людьми. Они — символ рождения, символ любви и гарантия того, что мир не покатится ко всем чертям. Не говоря уже о том, что после того как я объехал кучу дагестанских сёл, я проникся к дагестанкам невероятным уважением, потому что вкальвают они как проклятые. Табасаранские ковры ткнут они, балхарские

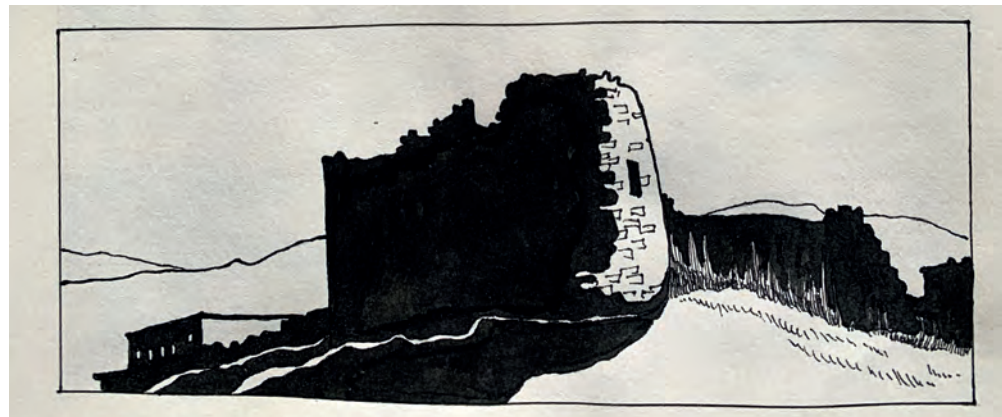

горшки лепят они, унцукульские изделия украшают женщины, женщины же часто полируют и кубачинское серебро. И это я ещё не упомянул

дом, кухню, детей и коров. Так что большой им уважение и баркалла, а я чем могу, тем — ха-ха — прославлю и воспую. Но про «все проекты» ты

не права. У меня было несколько коротких комиксов с героями-мужчинами.

— Это те, из-за которых в дагсоцсетях поднялся дикий вой возмущения? И ты даже удалял какие-то публикации из своей ленты, из-за чего вновь поднялся вой, только уже ликующий — «вот, как мы его!». Я не ошибаюсь?

— Вообще-то это была просто добрая шутка. По крайней мере, мне так казалось. Я придумал двух персонажей — достойных братьев Абдукарима и Абдусалама, наивных сельских мужичков, иногда остро реагирующих на внешние раздражители, но добрых в душе. И нарисовал про них несколько коротеньких комиксов, в которых достойные братья то долго не принимали Деда Мороза, то переживали из-за рождения дочерей, то противостояли городским соблазнам, но из всех передраг неизменно выходили капитальными красавчиками. Мне казалось, что Абдукарим с Абдусаламом призваны поднимать настроение. И поначалу так оно и было. Но затем про них написало одно федеральное издание и... понеслось. Редакцию обещали сжечь, меня посадить на бутылку и так далее. Я был, признаться, в шоке. И попросил дорогую редакцию публикацию удалить.

— Могу себе представить, как тебя эта реакция шарахнула по голове...

— Скажем так: это был волнующий опыт. Первый подобного рода. Я был... скажем так, несколько разочарован и удивлён реакцией на безобидные рисунки. И даже то, что в одном из комиксов про достойных братьев был изображён человек, похожий на Хабиба, подобной реакции не объясняло. Я понимал, что мою жизнь это не изменит совершенно, но у меня в Дагестане живут близкие родственники. Например, тёща. А она подобные угрозы воспринимает сильно близко к сердцу. Как и моя жена. Я променял достойных братьев на покой достойных женщин. Так вышло. Но, кстати, Абдукарим и

Абдусалам по-прежнему живут у меня в фейсбуке в режиме «для друзей». Потому что друзья у меня тоже достойные.

— Спрашиваю на правах «достойного друга», думаешь ли ты, что нужно считаться с «чувствами представителей малых народов» и нет ли тут такого внутреннего шовинизма, высокомерия «белого человека» по отношению к «туземцам»?

— Мне кажется, что между «считаться с чувствами» и «шовинизмом» нет знака равенства. Я — дитя русско-еврейского брака, да ещё и росшее то в Москве, то в Абхазии, поэтому считаться с чувствами меня учили с детства. В отличие от русских туристов, я никогда не ходил по Сухуму в шортах, потому что знал: здесь так не принято. Я не просил сало, которое очень люблю, приходя в гости к еврейским родственникам. Вставал, когда за меня произносили тост, на грузинских застольях. Это всего лишь уважение к людям, которых я действительно уважаю. Это же уважение не даёт мне права считать кого бы то ни было туземцами. Я всех нежно люблю, что порой мешает мне быть объективным, зато люди обычно отвечают мне взаимностью... Достойные братья кого-то оскорбили? Ну, ок, ребята, простите. Мне они по-прежнему милы, но вам я их больше не покажу, чтобы не ввергать вас в соблазн лишний раз обидеться.

— Я про другое. Про готовность превентивно извиняться, про страх обидеть, которые понятны, когда ты имеешь дело с теми, кому покровительствуешь, но просто невозможны в отношении тех, кого считаешь равными себе.

— Ох... Вот это реально сложно, потому что в этом странном мире всё слишком странно. Но вообще-то я считаю так: есть отдельные люди, главное хобби которых — обижаться. Есть отдельные группы точно с таким же хобби. Ощущение, что всем им безумно скучно и абсолютно

нечем заняться. Их хочется послать, но не могу, потому что мне их ужасно жалко.

— Жалко?

— Ну да, жалко. Правда. Я думаю, все они ужасно несчастны, потому что не реализованы, потому что им нечем гордиться, потому что они не видят никакого смысла собственного существования. А обиды как бы придают им значимости в их же глазах. Они же обижаются за благое дело и великие идеи, значит и сами благи и велики. Но лучше бы они просто влюбились.

— **Прекрасный рецепт! Но ты мне всё же ответь. Вот есть прекрасный огромный, яркий мир. Можем ли ты и я использовать все культурные коды, нам известные, или тут работает такое «авторское право на национальность»: о лакцах пишет лакец, о якутах — якут?**

— Я не знаю, что такое авторское народное право. Нет, мне, конечно, ставили в вину: мол, как я посмел писать про Кубачи, когда был Ахмедхан Абу-Бакар и про Кубачи уже написал. Но это же глупость несусветная. Что, если я не даг, я не могу писать и рисовать про Дагестан? Да ну, идите вы нафиг. Писал, рисовал и буду писать и рисовать — про кубачинцев, цумадинцев, абхазов, евреев, русских, пастафарианцев и мусульман. А культурные коды... Слушай, я знаю про Кубачи больше и лучше некоторых кубачинцев, потому что многим насрать на свою историю, а мне — нет. Кстати, тёща вообще считает, что я больший кубачинец, чем вся её семья. Врёт, конечно, но мне приятно. Я люблю свою тёщу.

— **Да, твой кубачинский цикл, точнее, все кубачинские циклы очень удачные. У тебя ведь даже татуировка с кубачинскими мотивами, и мне завидно. Хочу такую же! Кстати, по поводу тату претензий ещё не было?**

— Претензии были большие. От жены. Потому что делать эту татуировку я поехал в день рождения Заиры и несколько подзадержался в тату-салоне. Прости, Заира! Но я ни о чём не жалею, потому что давно такое тату хотел. Я ведь сам отрисовал для него эскиз. Теперь Кубачи, точнее, кубачинки, всегда со мной, даже если жены нет рядом. Поэтому я всегда под присмотром. Чтобы присмотр был ещё сильнее, я думаю: не сделать ли мне ещё одну тематическую татуху. Но в даргино-еврейской семье тратить бабки на такое... ну, сама понимаешь.

— Понимаю, да. А теперь скажи мне, дорогой друг. Почему Кубачи, почему Дагестан? Понятно, если бы ты был такой усреднённый москвич, так у тебя у самого в запасе не только еврейские яркие мотивы, так ещё и Сухуми! Почему же так потянуло на Дагестан, что ты нашёл там такое, чего не видно нам?

— Ммм... Я мог бы тут долго и подробно рассказывать о том, как в Дагестан меня привели картины моей бабушки и детская мечта, но буду короток: я влюбился в дагестанку. С этого всё и началось. А дальше, как человек влюбчивый, я влюбился в Махачкалу, Кубачи и все прочие места, куда попадал то по личной, то по служебной надобности. Почему? Так и не ответишь. Хотя, нет, скажу. Может, помнишь строчку из песни Кости Кинчева «Энергия»: «Я болтаюсь между Ленинградом и Москвой, я здесь чужой, я там чужой». Так это практически про меня. Я родился в Москве, но никогда не чувствовал себя москвичом. Я обожал Абхазию, но никогда не чувствовал себя там своим. Для русских я еврей, для евреев тоже не совсем «цимес». А потому я в вечном поиске дома. Можешь не верить, но это чувство появилось у меня в Дагестане — будто что-то щёлкнуло внутри. Да, конечно, тут тоже много баранов, но где ж их нет. Но тут от многих людей прёт какая-то такая энергия, которая заставляет меня всё время что-то придумывать, делать и ловить кайф. Наивно, да? Возможно, всё это иллюзия, но дай мне ею насладиться! Как сегодня я наслаждался, видя, как посреди узкой улочки в районе метро Бабушкинская два юных дага от души танцевали лезгинку. Красавчики, ле!

— Твоя книжка «Чудище и Капитан», как я знаю, получилась очень удачной, хотя и без дагестанских мотивов. Как, по-твоему, нужно писать для детей?

— Писать надо так, чтобы самому по кайфу было. Надеюсь, моё начальство это не прочтает, поэтому расскажу: эту книжку я сочинил, сидя в своей редакции и забив на некоторые служебные дела. Потому что пропёрло меня и всё тут! Я сочинял историю про Чудище и Капитана, представляя, что этот капитан я. Недаром же он тоже Борис, тоже любит смотреть на море, и тоже носит традиционную фамилию: я — Войцеховский, он — Розенталь.

— Вот уже много лет я наблюдаю за разными попытками создать «детскую дагестанскую

литературу» или дагестанские мультики. И все эти проекты кажутся мне нежизнеспособными. В частности потому, что авторы в обязательном порядке опираются на классиков дагестанской литературы. Можно и нужно ли пытаться тут что-то изменить, найти другой вектор?

— Меня сейчас точно побьют, но я всё равно скажу: классики дагестанской литературы возможно прекрасны, но невероятно скучны. Они из другого времени — восторженно-замедленного, нравоучительно-занудливого. На всём этом фоне я могу выделить для себя лишь две суперзвезды — Абу-Бакара с его «Ожерельем для моей Серминаз» и Ахмеда Мунги с его дивными стихами про девичьи красоты, парижских мадам и продажную любовь... Не понимаю, как так вышло, но оба они кубачинцы... Отдельным пунктом стоит Адалло Алиев... Так вот, не надо сейчас говорить с детьми языком классиков, потому что, во-первых, это не очень хороший язык, а, во-вторых, страшно далеки эти классики от нынешних детей. Какой им Сулейман Стальский?! Какой им Омарла Батырай?! Какой им Махмуд из Кахаб-Росо?! С детьми нужно говорить так, чтоб им было всё понятно, чтобы они могли представить себя героем книги. И сюжетов же таких можно найти навалом.

— Слушай, а сам ты не думал попробовать написать ещё одну детскую книжку, но уже на дагестанском материале?

— Думаю. Я много о чём думаю, но где взять на всё время? Знала б ты, сколько у меня заготовок и

полуфабрикатов разных околодагестанских проектов дома валяется — от кубачинских икон до настольных игр. Мне интереснее истории, рождающиеся у меня в голове. А желающих разобрать по кусочкам старые легенды и без меня много.

Но сказки или детские стихи, надеюсь, всё же напишу. Про утонувший в белоснежном тумане ярко-синий аул. Про девочку, предпочитавшую традиционной одежде платье в горошек. И про женщину в красной шляпке, способную переспорить Каспий.

— О, последнее это прекрасно, поправляю свою шляпку и благодарю. Но скажи, как в наше время «продать» проект или донести его до массового читателя—слушателя—зрителя?

— А можно я сознаюсь, что я очень плохой представитель своей нации? Что я ничего и никогда не продавал, потому что жутко стесняюсь это делать? Но — к моей радости — всё как-то складывается в обход моей коммерческой криворукости. Одному из крупнейших российских издательств детских книг понравились мои стихи и рассказы — и их напечатали. Нарисовал книжку про Кубачи — издали. Начал рисовать картинки — их увидела Джамиля Дагирова и предложила сделать выставку... Рисунки про Амузги... Я не знаю, издадут ли их. Я никому ничего не предлагал, потому что, во-первых, пока не доделал, а, во-вторых, чёрт его знает, кому предлагать. Но дело-то вообще не в этом. Пор-тос говорил: «Я дерусь потому, что дерусь». А я рисую потому, что рисую. Что из этого получится и что будет дальше — посмотрим.

Влада Бесараб

Под простыми гостями туркестанские ковры постланы,
под княжеской роднёй — дагестанские.

Саша Чёрный, «Кавказский чёрт» (сказка)

УТИЛИТАРНЫЕ АРТЕФАКТЫ

Вот уже почти три месяца дагестанские музеи, как и другие учреждения культуры по всей стране, закрыты на карантин. Приостановлена не только выставочная деятельность и приём посетителей, но и научная работа, вести которую «на удалёнке» невозможно. Но сотрудники не опускают руки, придумывают и реализуют интересные онлайн-проекты, пишут статьи на основе ранее собранных материалов и ждут, когда же можно будет вернуться к полноценной деятельности.

С заместителем директора по научной работе Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой (ДМИИ) Айшат Магомедовой мы беседовали в конце марта, когда ограничения только вводились. Айшат как раз должна была ехать в командировку, чтобы перевезти выставку дагестанской вышивки из Богородицкого дворца-музея и парка (г. Богородицк Тульской области), где она с успехом экспонировалась, в Тульский музей изобразительных искусств, где уже всё было готово для размещения экспозиции. Но планы пришлось поменять, и проект пока отложен на второе полугодие.

Айшат Исбагиевна работает в музее с 1992 года — пришла писать дипломную работу, посвящённую видам дагестанских ковров, да так и осталась. Про музейную коллекцию ковров и тканей она знает всё:

— У нас действительно очень хорошая, богатая коллекция ковров, ковровых изделий и вышивок — более 1200 экспонатов. Представлены все виды дагестанского ковроткачества, но только ими фонды не ограничиваются. Есть азербайджанские, армянские, туркменские, иранские, украинские изделия. Когда я пришла в музей, этим отделом заведовала Марьям Азиялова, она и открыла мне этот удивительный мир, в котором я живу уже...

— Почти 30 лет! Коллекция с тех пор сильно выросла? Самые интересные и ценные

экземпляры музей прячет в запасниках или их можно увидеть в постоянной экспозиции?

— Был период, лет десять, когда поступлений не было — ни закупок, ни подарков. Это вообще было сложное время не только для музейщиков; но, к счастью, оно закончилось, и как только у нас появилась возможность, мы стали активно закупать экспонаты. Как я уже сказала, сегодня у нас представлены все виды, некоторые всего по 1–2, хотелось бы иметь больше, конечно. В постоянной экспозиции находятся действительно очень ценные произведения; отлично представлено безворсовое ткачество, в частности, есть аварские килимы «давагин» XIX века с интересными рисунками: в виде деревьев и даже со стилизованным изображением дракона. Красный дракон на синем фоне, вокруг которого можно увидеть маленькие фигурки лошадей, птиц и людей, вызывает ассоциации с сюжетом дагестанских сказок. Есть уникальные килимы «супрадум» (всего их у нас 23 экземпляра, экспонируются, конечно, не все) — они производились только на территории нынешнего Казбековского района в период середины XIX – начала XX века.

Помимо собственно ковров, в постоянной экспозиции также обширно представлены мелкие ковровые изделия: водоносные ленты, наспинные подушки (их подкладывали под кувшины, когда ходили за водой), хурджины — очень красивые, поражающие разнообразием рисунков и гармоничностью цветов. Когда смотришь на них, не устаешь удивляться, насколько талантливы наш народ, с какой любовью и терпением делались эти, в общем-то утилитарные, предметы.

— В 2014 году вы были куратором выставки «Дагестанская вышивка» во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (Москва), а в прошлом году в Махачкале состоялась уникальная выставка «Кайтагские вышивки из собрания Государственного музея Востока», сокуратором которой вы являлись. Дагестанским зрителям были представлены уникальные образцы, многие из которых демонстрировались впервые. В последние годы вообще очень много говорят и пишут о кайтагской вышивке. Это почти забытое искусство чуть было не исчезло совсем, но сейчас оно буквально переживает второе рождение. Есть мастерицы, которые создают произведения по старинным образцам, есть педагоги, есть взрослые и дети, желающие учиться этому изящному ремеслу. И самое замечательное, что эта

тема не надоедает ни специалистам, ни зрителям, каждый проект позволяет совершать какие-то необыкновенные «открытия».

— Сейчас образцы дагестанской вышивки, не только кайтагской, но и других видов, включая золотное шитьё, экспонируются в Богородицком дворце-музее. В Тульской области, как и в других регионах центральной России, свои уникальные традиции народной вышивки, а наше искусство вызывает у них неподдельный интерес — оно ведь совсем другое, непривычное им. Но что объединяет такие предметы — где бы они ни были выполнены, они всегда несут некий символический смысл, часто являются оберегами. В традиционном декоративно-прикладном искусстве вообще никогда не было просто красивых безделушек, всё имело значение: материал, форма, цвет, орнамент. Приобретая тот или иной экспонат, мы стараемся отдавать предпочтение редким, исключительным образцам. В коллекции ДМИИ 21 произведение кайтагской вышивки,

многие из которых уникальны своей композицией, цветовой гаммой. И нам бывает очень приятно, когда сами кайтагцы, в чьих домах сохранились старинные вышивки, что-то видят впервые именно на наших выставках. Такие впечатления могут стать основой для новых работ. Радует, что этот вид искусства продолжает жить и развиваться: можно бесконечно варьировать элементы, сохраняя технику, цветовую гамму и композиционные принципы, сохраняя гармонию, которая есть в старинных работах. Иначе самые искусно выполненные вещи смотрятся безжизненно. Такое часто встречается, к сожалению, в том числе и в коврах: вроде всё сделано идеально, тончайшие ровные нити, плотность, цвета вроде подобраны, а души нет.

— В музейных коврах душа есть?

— Да! Ими можно любоваться бесконечно. Я не устала на них смотреть за столько лет! И до сих пор удаётся находить что-то новое там, где, казалось бы, всё давно изучено. Недавно с лупой разглядывала

наши супрадумы — даже не знаю зачем, вроде бы обсмотрела их давно вдоль и поперёк (*улыбается*), — и разглядела остатки серебряных нитей! Значит, такие ковры особо ценились, если в них детали узора выполнялись серебряной нитью. Сразу вспоминаются легенды о Весеннем ковре царя Хосрова I.

— Как оказалось, прекрасные дагестанские вышивки есть в коллекции музея Востока, а где представлены наши ковры?

— Дагестанские ковры хранятся во многих музеях, включая музей Востока — в фондах и постоянной экспозиции, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). В частных коллекциях, как у нас, так и в Европе. В Германии, например, есть огромная (более 700 экземпляров, некоторые из которых не найти в Дагестане!) частная коллекция. Её владелец не просто собрал уникальные образцы, он создал целый научно-исследовательский институт, в котором проводился химический анализ нитей, описывались технические нюансы. Конечно, всё атрибутировано и каталогизировано. Мне удалось поработать с этой коллекцией: владелец несколько раз приглашал специалистов из Дагестана, чтобы мы помогли атрибутировать экспонаты.

— Получается, в Европе нет специалистов, которые разбираются в тонкостях дагестанского ковроделия?

— И в Европе, и в республиках бывшего СССР есть прекрасные специалисты — фанаты своего дела, и когда нужно определить, в каком именно районе Дагестана был изготовлен ковёр, лучше нас с этим никто не справится. Атрибуцию затрудняет то, что много ценной литературы, созданной в этой области во времена СССР, не переведено на иностранные языки. Поэтому на зарубежных аукционах в происхождении указывают просто «Кавказ». Многие хорошо бы переиздать с хорошими иллюстрациями.

— Недавно музей переиздал в расширенном и дополненном виде ваш альбом «Дагестанские ковры». Особенно восхищает богатый иллюстративный материал, доказывающий, как широко были распространены и как высоко ценились дагестанские ковры в прошлом и в каких неожиданных местах их можно встретить сейчас (среди прочих есть фото с открытия бутика Роберто Кавалли в Нью-Йорке в 2013 году, на котором под ногами выдающегося дизайнера и супермодели Миранды Керр не что иное, как типичный аварский килим «супрадум» начала XX века). Вообще, у традиционного дагестанского ковроделия — процесса чрезвычайно трудоёмкого — есть будущее? Какое оно? Ведь «настоящие» дагестанские ковры, сотканые из натуральной шерсти, окрашенной натуральными красителями, с традиционным орнаментом — очень дорогое удовольствие.

— Работая над альбомом, я хотела показать, что дагестанские ковры — явление не узколокальное, что они очень давно известны и ценятся в России и на Западе. Так, в альбоме приведён фрагмент картины итальянского художника Адриано Чеччи (Adriano Cecchi (1850–1936)) — он очень любил изображать жанровые

Айшат Магомедова

КИЕ КОВРЫ

собрания ДМИИ им. П. С. Гамзатовой,
этнической культуры и частных коллекций

сценки «галантного века», и герои одной из них стоят на типичном лезгинском сумахе. Также в книге помещены фотографии нескольких так называемых «восточных кабинетов». Они были чрезвычайно популярны в домах русской аристократии со второй половины XIX века и до самой Октябрьской революции, и центральное место непременно было отведено кавказским, в том числе и дагестанским коврам разных видов. Всегда интересно, как художники изображали ковры в интерьере, потому что в этом случае они чаще всего писались с натуры (в отличие от полотен с караванами и торговцами, где изображение ковров обычно носит обобщённый характер). По легенде, наука о коврах началась именно с попыток атрибутировать ковры с полотен эпохи Возрождения. На картинах и даже беглых рисунках русских художников, работавших в Дагестане, начиная с XIX века, а потом в советское время и в наши дни, ковры также встречаются довольно часто. Современные авторы тоже изображают их.

— Это может стать темой отдельного издания — традиционные ковровые изделия народов Дагестана в изобразительном искусстве! Будет чрезвычайно интересно!

— Что касается будущего ковроделия, то оно, несомненно, есть и хочется надеяться, что оно будет светлым! Да, ковёр в привычном понимании — вещь чрезвычайно трудоёмкая, следовательно, дорогая. Такие ковры — они всегда были недешёвы — будут подчёркивать статус и благосостояние владельца. С другой стороны, ковры будут являться объектом чистого искусства, в этом направлении сейчас работает азербайджанский художник Фаиг Ахмед: его «текучие» ковры с большим успехом демонстрируются на самых престижных выставках современного искусства.

— Это тот случай, когда произведение традиционного декоративно-прикладного искусства полностью утратило своё прикладное значение и поменяло сферу бытования. Кстати, с кайтагскими вышивками то же самое произошло гораздо раньше!

— Да, возможно. Вот в Азербайджане настоящий культ ковра, национальная идея, а у нас такого никогда не было. Я думаю, что у нашего ковра перспективное будущее именно как у артефакта, а не утилитарного предмета. Хотя и здесь непременно будут найдены какие-то новые формы, ведь пользуются популярностью у поклонниц богемного, этнического стиля сумки, сотканые в традиционной технике с уважаемыми элементами рисунка — они вполне функциональны.

— У вас дома много ковров?

— Раньше, как у всех — на полу и на стене в каждой комнате! (Смеётся.) Сейчас — только на полу, есть дагестанские, есть советские. Коллекции нет, конечно. Нет, не хочется собирать, зачем? Чтобы чахнуть над ней, как скупой рыцарь? Достаточно того, что есть на работе, что я вижу во время творческих командировок.

Мы продолжаем наш «Культурный портрет» — совместный проект редакции и галереи современного искусства «Первая галерея». Автор и куратор проекта — Джамиля Дагирова.

Светлана Анохина:

Я человек, который просыпается утром, врубает телик, а ему оттуда рассказывают про вьетнамскую вислобрюхую свинью

Она умудряется рассориться с теми, кто может помочь ей с карьерой, настроить против себя не только дагестанских приверженцев традиций, но и немногих оставшихся в республике русских. Ввязывается в драку из-за детей с разогнанного фундаменталистами анимефеста, а после выходит на пикет в поддержку своего «идеологического противника», арестованного по подозрению в причастности к террористам дагестанского журналиста Абдулмумина Гаджиева. Она живёт в Махачкале, не подчиняясь здешним правилам, брешет голову, набивает себе тату, открыто курит. Мало какие городские события обходятся без её участия, а публикации о них часто начинаются с фразы «мероприятие завершилось скандалом». Светлана Анохина, «дама в Красной шляпке», журналист, редактор Интернет-портала Darta.ru, городской активист о феминизме, Сталине и одуванчике как экзистенциальном потрясении.

Света Представление

Жить, как Буш

Патя сделала такой дивный портрет. Он очень хорош, очень! Сразу видно, что там человек тонкий и страдающий. Если бы меня попросили придумать ему историю, я бы чего-нибудь наворотила и, наверное, не стала бы учитывать пол. Типа, он младший позорный сын, приводил в дом фиг знает кого, написал поперёк геральдического знака семейства — Янки, велкам! И свободу мышам! Оттого его запрятали в тайную комнату в родовом поместье, и он там си-

дит, весь синий и зелёный от фрустрации и плесени. Высживает свою личную обалденную историю. Но это точно я? Там посмотри, какое всё... А у меня всегда сломан ноготь. Хотя бы один. Я грубая. Взрывная. Бываю ужасно нелепым существом. И такое выражение лица, как на портрете, долго удержать не сумею. Секунд шесть максимум. Либо челюсть отвиснет и глаза закатятся, либо кто-то рассмешит или разозлит. Но я бы его, портрет в смысле, утащила и себе на стенку повесила бы, да. Патя говорит — я так увидела. И мне хочется ей верить.

Никогда не умела вовремя заткнуться. Просто проскакиваю на полном ходу тот момент, когда всюду машут красными флажками и бегут к тебе с воплями, что дальше обрыв и рельсы кончились. Какую прекрасную жизнь я бы прожила и какую карьеру сделала, будь у меня этот внутренний стоп-кран!

... Ну, или не сделала бы.

Есть люди, на которых я всегда озираюсь. То есть я знаю, что они меня любят и деликатные, поэтому промолчат, даже если я совсем из берегов выйду. Но это их молчаливое неодобрение чувствуется лопатками. И мне делается не по себе.

Я часто делаю какую-нибудь фигню. Прилюдно. Потом хожу и мотаю башкой: ну как меня опять угораздило? Иногда думаю, что тут вовсе не я виновата! Помнишь, у Довлатова в «Компромиссах» есть такой персонаж Буш? Он сидит в редакции, чинный, его только что пристроили туда с преогромным трудом. В редакции, значит, праздник, все нарядные, входит жена главреда Зоя, в руках у неё поднос, на подносе чашечки с кофе. И тут этот Буш вдруг поднимается с места и фигачит снизу по подносу ногой! Понятно, что его карьера в журналистике закончилась, не успев начаться. И через много лет его спрашивают: скажи, ну зачем??? А он говорит: я чувствовал, как всем вокруг хотелось это сделать. Вот со мной та же история. Я часто оказываюсь тем самым «кем-то», кто, цитирую Довлатова, «должен лягнуть ногой этот блядский поднос в руках кривоногой Зойки».

...Ай, командир, меня смертельно ранили!

Не понимаю и никогда не смогу понять, как кто-то может хотеть быть «чистокровным». Во-первых, это малореально. А во-вторых... Скучно же быть кем-то одним, нет? В детстве я всем врала, что мы молдаване, просто называемся русскими. Не знаю, почему именно молдаване, слово красивое. Вот мой единственный племянник, сын моей единственной сестры женился на китаянке. И мне так нравится, что теперь у нас есть его маленькая дочка, и она тоже несёт в себе часть нашей общей крови, но, помимо неё, ещё и другую. Новую! И от этого будто моя собственная стала ярче и горячеей.

Мне всегда хотелось раскопать в истории нашего семейства что-нибудь прикольное и тайное. К примеру, что прапрадед был контрабандистом и тёмными ночами причаливал к берегу в лодке, полной шёлковых чулок, оружия и специй. Или, что прапрабабка танцевала в кафешантане и немного шпионила в пользу, скажем, Гвинеи. Для меня тут нет категорий позорно-достойно, а есть крутая история, азарт, риск, «ай, командир, меня смертельно ранили!», и прочее, из-за чего и выдумали приключенческую литературу.

Люди ужасно интересные. Прямо взять каждого и рассматривать. Говорить с ним: – А ты что? — А он? — А что ты ответил? — Ох, ну ни хрена себе!

*Патимат Гусейнова «Миротворец СА»
2018, холст, акрил, микс.
Из фондов Национального музея РД
им. А. Тахо-Годи*

Мargarита Изрин

Не объяснить рационально, почему мы что-то отмечаем и помним всегда, а что-то пропускаем мимо сознания. Вот у меня есть два воспоминания. Как-то ещё в детстве (мы тогда жили в двухэтажном кривом доме по улице Мира) я гуляла по двору и сорвала одуванчик. Это был уже совсем взрослый, солидный одуван, не из тех, что жёлтенькие цветочки, а одуванчик-аксакал — весь белый и пушистый. Ну и я на него дунула. А потом внимательно посмотрела на то, что осталось. Там внизу под белыми пушинками он был бледно-зелёный, цвета сопля, что круглый год свисала из носа нашего дворового Мусы-кол-

басы. И в этом бледно-зелёном были точки... И меня вдруг накрыла волна экзистенциального ужаса. Понятно, что я тогда слова такого не знала, но сами ощущения помню: что-то о смерти, о коже, под которой страшное, о распаде и вообще — мама, кто я, где я, заberi меня домой к чаю с бутербродами!

А второе намного позже было. Уже в 90-х, в Львове. Я сидела на диване дома у друга Борьки Бергера и смотрела, как его жена Таня Мун рисует. Вот держит перед собой большой белый лист и ведёт по нему из верхнего правого угла в нижний левый изумительно точную линию.

Прямо тушью сразу ведёт. Будто там проложена дорожка, мне не видная, и она просто не может сбиться, не сумеет, даже если Борька опрокинет стол. Сейчас я думаю, что обе эти истории были чем-то вроде религиозного откровения.

Дела у меня всегда покачиваются. В смысле, на этот вопрос есть два взаимоисключающих ответа, и оба будут правдой.

Дарить умеют многие. А принимать подарки — единицы. Ну такой подарок, внеурочный, просто так, от потребности быть щедрым. Так вот, взять его, засмеяться, принять объяснение, что это «просто так, потому что подумал, и мне захотелось», могут немногие. Часто люди напрягаются. Им непонятно. В строгой кавказской системе, где «я к тебе на свадьбу пришёл, 5 тыщ принёс и когда ты ко мне пойдёшь, столько же принеси», вот такой внезапный порыв вызывает тут же массу мыслей. Так, думает он, наш тухум нищий? А от меня теперь чего ждут? Мне чем «отдарить»? Я что должен? Да ничего ты не должен! Это ж не потому, что надо тебе! Это потому, что нужно мне. Бери, радуйся, если не понравилось, отдай кому-то ещё. Это всего лишь способ сказать: жизнь не сволочь, а люди не гады. И ничем не надо «отдаривать». Просто живи и будь счастливый и сильный. А когда станешь совсем сильный, делай такое же для кого-то ещё. Если захочешь, конечно. Но хотелось бы, чтоб захотел.

Мне нравится думать, что я подкидыш. Цыганёнок, которого моим родителям подбросили. Просто положили у порога и смотались.

Нет, если нужно для дела, я вполне могу обратиться к человеку, которому самолично голову откусила бы ещё минуту назад. И работать с ним рядом могу. Помогать. Просить о помощи. Но только, пока мы тушим пожар. Потушили? Всё, дозвиданння. Опять хочу откусить.

Страсти и вести

Депрессии у меня не бывает. Я же всё сразу вываливаю. Всё, что со мной происходит. Бегаю и всем рассказываю, даже если стыдное, такое, где я совсем болван. Потому что одно дело мои заморочки личные, а другое — сама история, где я и персонаж, и рассказчик.

Проект «Был такой Город» — моя гордость, мой крест, моя награда и моё проклятие. Он взял и примотал меня к Махачкале накрепко, навсегда. Если бы не он, разве занесло бы меня в городской активизм? Да ни в жисть!

В комсомол я не пошла. Скорее, из упрямства, чем из идеологических зрелых соображений. Все говорили — надо! И я тут же стала как ишак и замотала башкой. Что значит — надо? Кому? Мне не надо. В школе меня не смогли переупрямить, в библиотеке, куда пошла работать, — тоже. Это было начало 80-х, и никто знать не мог, как развернётся история страны и что когда-нибудь я стану этим гордиться.

Тебе же не нужно напоминать, что «большинство всегда неправо»?

Иногда я обижаю людей. Причём случайно, не желая этого. И если пытаюсь извиниться, делаю это всё настолько неуклюже, что обижаю ещё больше. Думаю, тут всё дело в языке. Ну вот в моём — «прямо по башке бы дала» — заложена нежность, и чужому я так не скажу. Но человек с другим строем и нарядом языка, думает: ах ты ж наглая сволочь, ты на кого хвост подняла, кому угрожаешь?! А я всего лишь извиниться хотела.

Мне рассказывали про одного маленького мальчика, который придумал название для газеты «Страсти и вести». Мне кажется, гениально.

Люблю вправлять текстам ручки. Ну вот он уже родился, только кривенький, хилый и его жалко, потому что не жилец. А ты смотришь и понимаешь, вот тут передвинуть вперёд абзац, изменить концовку, сместить акцент и это будет клёвый такой, живой, хохочущий и полнокровный текст. Это такой кайф невероятный! Будто ты настоящего младенца спас и заново родил.

Беру и ложусь

Однажды мы шли по Буйнакской с Зауром Зугумовым и болтали. Я ему рассказывала, что счастье оно всегда при тебе. Вот нога твоя шагает, глаз смотрит, рот говорит, ты можешь налево, направо пойти, ты чувствуешь, плачешь, смеёшься, любишь и враждуешь — и это главное на самом деле. Он слушал, а потом сказал — ты мыслишь как каторжанин. Мне понравилось.

Я так долго проработала то корреспондентом, то редактором отдела культуры, что в какой-то момент перестала любить и выставки, и концерты со спектаклями. Потому что это была уже не чистая радость и удовольствие, а ра-бо-та. То есть нормальный человек шёл туда получать впечатления, а я — их фиксировать, загонять в слова и записывать. Потом-то наладилось немножко.

Бывает, что в каком-нибудь городе, который для меня сильный, значимый город, я вдруг чувствую, что хочу лечь. Вот прямо на улице. Прямо на асфальт. Не могу сказать — зачем. Просто хочу, надо мне. Ну и ложусь. Кто я такая, чтоб не позволять себе такую важную для меня вещь? Единственная уступка — стараюсь лечь не поперёк, а вдоль дороги или тротуара. Чтоб через меня никто не перепрыгивал. Лежала в Тбилиси, в Стамбуле, в Тель-Авиве. А вот в Вашингтоне, к примеру, такого желания не было. И в Праге. В Париже тоже. И совсем никогда мне не хотелось лечь в Махачкале.

Я очень люблю своих друзей. Очень люблю своих друзей. Очень люблю их. Даже когда злюсь. Они гадюки, сволочи, мерзавцы и насмешники. Пусть будут всегда.

О какой карьере речь? Сама посмотри, какие я глаголы выбираю, когда рассказываю о себе: по-скакала, офигела (и его более резкие варианты), потрусила, сжалась, быканула, удрала. Кто ж такому человеку доверит даже пустой спичечный коробок, не говоря уж о должности?

Если не сплю всю ночь, то под утро иногда чувствую себя ангелом. Сейчас возьму и воспую. Начну круги наворачивать, смотреть, кто там как себя ведёт. Ну а в конце, само собой, врежусь в провода или в каких-нибудь чёртовых гусей и шмякнусь с высоты. Буду лежать вся перекрученная как бельё, с невымытой шеей, в порванных штанах, и незнакомые собаки придут меня обнюхивать и утешать.

Думаю, красная шляпка была у меня всегда. Просто до поры до времени её не было видно.

Свобода НЕ делать

Разумеется, я феминистка! Ну а как может быть иначе, я же женщина. И не согласна считаться «вторым сортом». А кто на такое согласится? Ну вот представь кавказца, которому отказывают в устройстве на работу, потому что он «лицо кавказской национальности». Или не сдают ему квартиру по той же причине. Он же не будет покорно кивать и соглашаться? Ну вот с феминизмом та же история. Мы разные, но права должны быть равными.

Портрет Сталина над входом в автодорожный университет меня страшно триггерит. Прямо забралась бы туда и собственноручно оторвала и выкинула на фиг. Но когда уже совсем собираюсь лезть, буквально кеды в прихожей надеваю, начинаю думать совсем новые для меня мысли, непривычные: а как это с точки зрения права, закона и положения о свободе совести? И тогда прихожу к мысли, что Иосиф Виссарионович всё же должен быть сначала признан военным преступником. А портрет тогда сам собой отпадёт. Как я дошла до жизни такой, ума не приложу!

Ася Джабраилова «Город Наш»

Скажи, как маленький яркий и артистичный скандал может что-то испортить?

Свободный ли я человек? Наверное, нет — если мы о свободе делать всё, что хочешь. Но вот свобода НЕ делать, чего не хочу, у меня есть. Не работаю там, где мне противно, не сплю с мужчинами, которых не хочу, не участвую в том, что мне не по душе. И не говорю того, чего от меня ждут. Часто слушаю выступление какого-нибудь ТВ-ведущего или политика и думаю, милый, это ж какой тяжёлый груз ты на себя взял, гляди, как тебя перекосило!

Мне уже 57 лет. Это прямо очень много. С одной стороны, ужасаюсь, когда смотрю на себя в зеркало: божички, морщины, глаза запали, складки в углах рта — будто я о скорбном всё время думаю. А с другой — понимаю: офигеть, а я ведь

никогда не была такой красивой, как сейчас. Даже в самой юности. Ну красота тут слово неточное, если понимаешь, я скорее, о стёсывании лишнего, случайного, о приближении к самой себе, к настоящей.

У меня есть старшая сестра, и она занималась верховой ездой. А как-то взяла меня, ещё мелкую совсем с собой на ипподром. Они купали лошадей и мне тоже позволили. Посадили верхом, и мы с лошастью вошли в море. А потом я с неё соскользнула. Но всплывать не стала, просто легла на песок и стала смотреть. Я эти секунды могу в голове прокручивать бесконечно. Вода, вся прогретая, пропитанная солнцем, жёлтый песок с ракушками и сначала тень, а после и сама невероятная долгая нога лошади, которая медленно, аккуратно переступила через мою голову. И я смотрела на всё это и думала — Бог.

Драгоценный камень нельзя отполировать без трения. Так же и человек не может стать успешным без достаточного количества трудных попыток.

Конфуций

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

Когда узнал о поступке Рашида Гаджиясулова — дагестанца, покорившего самую высокую в мире, известную всем со школьных лет вершину горы Джомолунгма (Эверест), я задумался над не менее известным всем понятием «мужество».

Что же такое мужество? Мужество — одна из добродетелей, отражающая нравственную силу при преодолении страха. Оно зачастую выступает как способность переносить страдания, включая физическую боль.

В античности мужество рассматривалось, как одна из четырёх главных добродетелей (вместе с умеренностью, мудростью и справедливостью).

В последнее время значение и роль мужества занижаются. Сейчас оно часто употребляется просто как синоним общечеловеческой нравственной твёрдости и теряет значение мужской добродетели (так, словосочетание «мужественная женщина» во многих языках — включая русский — не содержит противоречия). Немецкий философ Ницше объяснял это тем, что «промышленный дух одержал победу над военным и аристократическим духом».

На днях по телевизору выступал ветеран Великой Отечественной войны Малышкин, который сказал: «До сих пор остаются нераскрытой тайной мужество и стойкость людей, победивших в той страшной войне». А я до сих пор не могу понять и объяснить себе мотивы и движущие силы людей, взбирающихся на немислимые высоты, рискуя здоровьем и самой жизнью. Как выясняется, это не могут внятно объяснить даже сами альпинисты. Рассуждения о том, что

это красиво, круто, адреналин — не сильно убеждают меня. Альпинист Геннадий Копейка сказал: «Вопрос, с одной стороны, очень простой, с другой — сложный. Тот, кто побывал в горах, наверное, уже такой вопрос не задаст. Когда ощущаешь красоту гор, их величие, чувствуешь себя маленькой букашкой. И одновременно — большим человеком, потому что ты один на весь этот огромный простор».

Одним словом, без здоровой амбиции тут не обойдёшься. Не обошёлся без неё (здесь следует добавить — дагестанской амбиции особого качества) и наш герой Рашид Гаджиясулов из селения Хучада Шамильского района.

Но давайте всё по порядку. Рашид, 1968 года рождения, после окончания с отличием Хебдинской средней школы поступил и успешно завершил технологический факультет ДГТИ, отслужил в армии, работает в Фонде соцстрахования города Кизилюрта, активно занимается спортом.

За этими скупыми строчками краткой биографии стоит человек огромной души и неисчерпаемой воли. Почти любой сельский житель Дагестана закаляется, преодолевая бытовые трудности, борется за выживание с природной стихией, можно сказать, живёт в экстремальных условиях. Однако среди горцев встречаются и те, которым бытового экстрима мало. Их взгляды направлены вверх, их мысли устремлены к покорению острых вершин, им хочется быть на высоте в прямом и переносном смысле.

Точно таким оказался и Рашид.

«С детства меня тянуло к высоким горам, — рассказывает он в интервью М. Газалиеву,

председателю культурно-исторического общества Шамильского района. — Втайне ото всех занимался скалолазанием. Однако подлинная страсть проснулась во время отдыха с друзьями на Эльбрусе. Однажды я шаг за шагом поднялся на заснеженную вершину и вообразил, что теперь могу играючи покорить горы. Надо сказать, что я сильно ошибался.

Вернувшись в Дагестан, я поднялся на гору Шалбуздаг и там познакомился с кавардинским альпинистом Ольмезовым. Он уже поднимался на Эверест и пошутил, мол, не слабо дагестанцу покорить вершину мира?».

Разве можно говорить дагестанцу подобное!

После восхождения на Эльбрус Рашид стал готовиться к покорению Эвереста. В 2015 году попытался взобраться на вершину Хан-Тенгри на границе Казахстана, Киргизии и Китая. Её высота 7010 м. Попытка оказалась неудачной, пришлось вернуться назад с отметки 6800 м. В 2016 году под-

нялся на пик Ленина в Памире. Там познакомился с украинским альпинистом Виктором Бобковым, готовившим восхождение на Эверест.

«Я решил присоединиться к его экспедиции в 5 человек, — продолжает свой рассказ Рашид. — Путь на Эверест не является непрерывным подъёмом. Для этого нужно сменить 6 лагерей. Они призваны помочь в адаптации человеческого организма к суровым климатическим условиям. И если не пройти адаптацию в нижестоящем лагере, на следующем этапе человек проживёт максимум сутки. Например, в лагере на высоте 6400 метров мы проживали 2 месяца: поднимались наверх и возвращались назад. Из-за таких испытаний альпинисты теряют в весе, лично я похудел на 15 кг. Давление повышается и учащается пульс, превышая 100 ударов в минуту. Представляете, в таком состоянии находиться не один и не два месяца. Перед последним штурмом мы целую неделю отдыхали на высоте 7200 метров.

И тут многое зависит от везения. Если бы поднялась снежная буря, то, безусловно, нужно было бы возвращаться. К счастью, обошлось. Так гора приняла меня и, приняв, отпустила.

Однако я видел и тех, кто остался там навсегда. Местами приходилось идти по трупам. Тела погибших альпинистов оставляют на месте их гибели — они служат как бы путевыми ориентирами.

На последнем подъёме 3 ступени. Мы преодолели их в темноте. И, наконец, в 5 часов утра 6 мая мы достигли вершины. Быстро водрузив на ней флаги России и Дагестана и, пробыв там 20 минут, мы спешно стали собираться в обратный путь».

Я привёл столь обширную цитату из интервью Рашида потому, что не только само восхождение, но и рассказ об этом весьма уникален. В нём столько незнакомого нам, столько эмоционального напряжения, драматизма, будто мы сопровождаем альпинистов в их труднейшем пути.

В самом конце своей беседы Рашид признался, что у него с Магомедом Дзейтиевым, ингушским альпинистом, шедшим следом в другой экспедиции, был уговор: в случае гибели одного из них флаги обеих республик доставит на вершину оставшийся в живых! Представляете, на что ориентировались люди, каков их духовный потенциал! Подобные истории встречаются в сказках, когда проверяется верность дружбе, клятвам.

Следует подчеркнуть ещё одну важную деталь. Рашид Гаджиясулов, первым

из дагестанцев (пока единственный) покоривший «вершину мира», не является профессиональным альпинистом, он всего лишь «любитель горных вершин». И ещё один немаловажный момент: своё героическое восхождение Рашид совершил в возрасте 49 лет!

Событие это произошло 3 года назад, и читатель может быть озадачен вопросом: «Почему теперь об этом вспомнили?». Во-первых, о таких людях грех забывать. Во-вторых, в нынешнем мае исполнилось 3 года со дня этого замечательного события. В-третьих, нынче для нас всех наступило время испытания в связи с напастью в виде коронавируса. Людям, страдающим и ноющим от вынужденной самоизоляции в тёплых уютных домах рядом со своей семьёй, перед телевизором, с телефонами в руках, хочется рассказать, какие экзамены на мужество и стойкость выдерживают простые дагестанцы, такие же, как и мы — 28 месяцев пребывали ребята на Эвересте, стойко мирясь с капризами знаменитой вершины, с условиями, далёкими от цивилизации.

Завершу свой рассказ словами Абу Убайда ибн аль-Джаррах, который сказал:

«О люди! Проявите смелость ради Всевышнего, и Он придёт к вам на помощь, ниспослав вам стойкость. О люди! Стойкость поможет обрести вам благосклонность вашего Господа и избежать позора. Так будьте же стойки и поминайте Его в ваших сердцах!»

Максим Алимов

Магомед Бисавалиев

Когда вспоминали матерей

Шёл второй месяц после кончины матери. Мир стал иным, и меня всё время не отпускали мысли о её смерти, и мама вновь и вновь приходила ко мне в воспоминаниях.

Вышел к морю, чтобы развеяться. День был необычный. Цвет моря какой-то зеленоватый; небо то ли серое, то ли чёрно-белое; ветер порывистый, волны большие, беспорядочные.

Встретил приятеля по морю Идриса Махиева из Ахваха. С ним был мужчина, которого я раньше не видел. Когда Идрис спросил своего приятеля, знает ли он журналиста Бисавалиева, тот сказал, что знает. И начал обо мне рассказывать в третьем лице, будто я это не я, который сижу с ними. Потом кивнул в мою сторону и спросил:

— Это он?

— Нет. Он его младший брат, он пишет статьи за Бисавалиева. Сам Бисавалиев проходимец, — сказал Идрис и бросил какую-то нестандартную шутку. И тут же представил мне собеседника: — Это Газиявдибир, стоматолог.

Мне это имя ни о чём не говорило. Он внимательно посмотрел на меня обросшего. Я подумал, что спросит, по какому случаю бороду оставил, и выразит соболезнование. Не спросил.

Этот интересный человек начал рассказывать о своём детстве, будто был знаком со мной сто лет:

«... Когда я учился в школе, нам русский язык и литературу преподавала мать хунзахских бизнесменов, братьев Смоленских, Магомеда и Зиявудина. Парханисай её зовут. Это было в Ободинской средней школе.

Тогда она была совсем молоденькой девчонкой, замуж ещё не вышла, но была очень требовательна и строга к ученикам. Задала она нам на дом выучить отрывки из романа Пушкина «Евгений Онегин». Мы, сельские ребята, плохо понимали русский язык, и нелегко было выучить. Вот и решила Парханисай наказать нас за безответственность.

Было зимнее время, когда рано темнело, закрыла она весь класс и поставила условие: если заданную главу не выучим, никто домой не пойдёт. Всего два человека выучили и пошли домой, остальные мучились с текстом. Стемнело, и мы все вместе с учительницей в школе зубрим, учим, но никак не запоминаем. Вот так сидели и не знали, как спастись от непонятого стиха.

Через некоторое время слышу шаги, приближающиеся в сторону нашего класса. Открывается дверь и заходит моя ныне покойная мама. Щёчки у неё покраснели от мороза. В руках держит большую кастрюлю, обёрнутую в какие-то тряпочки и прикрытую сверху краем собственной пуховой шапи. Я от стыда хочу спрятаться

под партой, дети и учительница в полном недоумении смотрят на странную гостью. Мама моя как в собственной кухне подошла к учительскому столу, поставила туда кастрюлю, сняла сверху крышку, вздохнула и говорит:

— Он мой единственный сын. Утром тоже не ел и побежал на уроки, вы его домой тоже не отпускаете, не умирать же ему тут с голоду. Пусть эту картошку и колбасу покушает.

Дети начали потихоньку хихикать, сама учительница Парханисай тоже старалась держать себя, но потом расхохоталась. Я от стыда готов был проваливаться сквозь землю. Хорошо и комфортно в этой ситуации чувствовала лишь моя мама, которая пришла с едой.

— Идём, сынок, ешь эту картошку и колбасу, дай своим друзьям тоже, пусть учительница тоже попробует, очень вкусная картошка и колбаса.

Парханисай поругала нас всех, что относимся безответственно к учёбе, потом раздала всем картошку с колбасой и с сыром, и отпустила домой. Предупредила строго, что это последнее

предупреждение, что больше никакая картошка и ходоки не помогут.

Мама моя была очень довольна и совершенно спокойно говорила, что не может меня не накормить, что я у неё один. Чтобы родить мне брата она ещё троих детей родила после меня, но все трое были девочки, мои младшие сёстры. Ей не было покоя, если я голоден или чего-то мне не хватает. И так всю жизнь. Мама давно нет, и я остался один», — сказал Газиявдбир и уставился в морскую даль, где бушевали волны от усилившегося ветра...

P. S.

Как я понял, он не знал о моём горе, ибо виделись мы впервые. Но его очень искренняя, добрая и смешная история о матери была очень к месту и ко времени. Я молча ушёл домой, только потом спохватился и вспомнил, что не попрощался с этим интересным человеком. Вечером, когда я вернулся, его там не было. У нас у всех свои «истории матерей», многие из них мы носим в себе и редко когда делимся ими. Берегите матерей...

Гамзаев и печальные мотивы поэзии

После каждой встречи с замечательным поэтом современности Магомедом Гамзаевым домой возвращаюсь с грузом размышлений и новыми впечатлениями от встречи.

Мы, как правило, встречаемся на Родопском бульваре, гуляем по берегу. Магомед читает мне новые стихи, пьём чай в кафе или у меня дома на Даниялова и расходимся.

Он меня покидает на время, уезжает куда-то — то в Саудию, то в Москву, — но его слегка охрипший голос, слова, образы, стихи не покидают меня долго.

Вот и сегодня в третьем часу ночи поэт «посетил» меня и делюсь с вами. Помню, во время последней нашей встречи он в спешке, перед расставанием, прочитал экспромтом одно четверостишие, посвящённое молодой девушке и своим уходящим годам, своей подготовке к смерти. Дрожь пробежала у меня по

телу от этого стиха, но наизусть я его не запомнил в тот день.

Через пару дней стихотворение в первоизданном варианте вернулось ко мне. Как же красиво звучит оно на аварском, жаль что никакой перевод никогда не передаст это звучание, мотив, краски и красоту стиха, который душу выворачивает. Вот оно:

*Дун дирго васазе, васият хъвалев,
Мун месед кинигин мусудузда гъорлъ.
Дун мусразе базе хъахIаб ххамилан,
БахIаралъул гурде балагъулей мун...*

Я пишу завещание сыновьям своим,
А ты как золото сияешь среди сверстниц.
Я в поисках белой ткани для савана,
А ты ищешь салон для свадебного платья.

P. S.

Буду рад, если кто-либо из переводчиков и любителей даст поэтический перевод четверостишия, приблизив его к оригиналу. А я жду возвращения Гамзаева с новыми стихами, поэт-то очень хороший...

Когда гении повторяют друг друга

Я много раз задавал вопрос разным собеседникам: «Может ли прийти одна и та же мысль в разное время к разным людям? То есть может ли быть совпадение мысли?»

Как-то спросил и у Расула Гамзатова. Он сказал, что совпадения могут быть, но форма выражения мысли — нет.

Не совсем понял я ответ Расула. Хитрым прищуром глаз он посмотрел на меня и спросил:

— Что нашёл?

— Слова нашёл у одного мудреца: «Мы все говорим о мире, а памятники строим тиранам, которые проливали реки крови».

— И что с того?

— Вы пишете: «*Памятника л рала начаза-базе, гьаб ракъалда бял глемер тГуразе. Жеги рагъ гьабичлев нача ватани, гьесие лъелаан дица памятник...*» (Памятники воздвигают правителям, пролившим много крови на земле. Если бы нашёлся правитель, не знавший войны, я бы ему поставил памятник). (Подстрочник.)

— Так вышло, ты уж прости нам эту погрешность, таких примеров много, — сказал Гамзатов и рассмеялся.

Был и другой пример. У Гамзатова есть стих «Суд», где он беседует на том свете с ушедшими друзьями. Они спрашивают его: «Где лучше: там, откуда ты пришёл к нам, или здесь (в загробной жизни)?» Расул отвечает: «*Дица жаваб къе-ла лъаларин абун, лъабабилеб дунял къваригГун бу-гин*» (Я отвечу — не знаю, в каком мире лучше, я бы выбрал третий мир).

Почти подобный диалог я встретил в рассказе моего ныне покойного друга Газимагомеда Галбацова. По юношескому максимализму я обвинил его в плагиате в своей критической статье, что очень смутило Галбацова.

— Расул ответил, что не знает, где лучше, и ищет третий мир. Но мой-то герой нашёл. Он

говорит Аллаху: «Верните меня обратно в мир, откуда я пришёл с грехами, — проживу нормальную жизнь». Ты это не заметил!!! — возмутился Галбацов.

Позже мой друг Магомед Гамзаев читал мне замечательные переводы Омара Хайяма на аварском. Две строки там были о человеке, его жизни на земле, о бренности мира, бытия:

«... *Адамил лъимер... ракъалде вачЛуна чЛичИ-дилаго, ракъулъе вуссуна чИвачИвадилаго...*» (Сын Адама... на землю приходит с плачем, туда возвращается со стоном».

Это Хайям. Если бы был Гамзаев, я имел бы неосторожность обвинить и его в плагиате, ибо Виктор Гюго сказал: «Человек приходит на землю с плачем, уходит со стоном, остаётся смеяться над этим промежутком между плачем и стоном». Думаю, не мог Гюго стащить мысль Хайяма, если даже он жил 800 лет назад до Виктора Гюго.

Если бы предъявили Гюго за плагиат, он точно как Галбацов при случае с Гамзатовым мог сказать: «Хайям только плакал и стонал, а я над промежутком жизни и вашими претензиями смеюсь». И был бы прав, думаю я сейчас, прав и Гамзатов, который сказал: «Мысль может совпадать, но средства самовыражения и форма выражения могут отличаться». Иначе они не пришли бы к нам в гости через века и не беседовали бы с нами.

На то они и гении.

Продолжаем публикацию романа журналиста, блогера, режиссёра-документалиста, путешественника, историка-религиоведа, специалиста по экспериментальной социологии Константина Гусева.

Константин Гусев

КОММУНАЛЬНЫЙ РОМАН

Америка

Как и множество детей, выросших за железным занавесом и в закрытом городе, я тоже хотел убежать в Америку. Но вопрос был в том, что про неё мало кто знал и мало кто верил в её существование. Из многочисленных обитателей двора всего лишь два человека были уверены, что она есть. Первым был дядя Коля Овощ-

ников. В его мире Америку населяли говнюки. Злобные полицейские в космических шлемах были говнюками потому, что избивали негров, спящих в коробках. Негры также были говнюки, потому что позволяли себя избивать. Когда-то там жили индейцы и ковбойцы. Те также были говнюки — по тем же причинам. А ещё

там живут рок-певцы с крестами, которые мешают нам жить. Днём они поют и бухают в бассейнах, а по ночам делают ядерные бомбы.

Словом, Америка от дяди Коли была крайне интересной. Я тут же захотел стать рок-певцом, чтобы делать ядерные бомбы и бухать в бассейне. Что такое бассейн, я тогда не знал.

Разведчик и суфий дед Хасан верил в Америку так же, как суфии верят во всё неподвластное человеческому разуму. То есть признавал её существование как некую метафизическую субстанцию. Что там происходит, деда Хасана мало интересовало, но он был лёгок на подъём и изъявил готовность возглавить диверсионную группу, чтобы по-тихому перерезать погранцов и убежать в Америку. А вот в железный занавес, так же, как и в другие ограничения человеческой свободы, дед Хасан совсем не верил, называя их «обезьяньи дела». Это определение относилось ко всем явлениям, где отсутствуют мудрость и разум.

Остальные обитатели двора сомневались в существовании Америки. Даже умнейший профессор Гурвич пожал плечами и грустно вздохнул. У него был красивый атлас, в котором говорилось, что в Америку надо плыть через большой океан. Катька Колосович также вздохнула и схватилась за топор. По её мнению, весь мир заселён фашистами, которые расстреливают детей, и надо быть настороже. Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли было заинтересовалась темой, но, узнав, что там злые

полицейские бьют негров дубинками, пошла и расколотила витрину в ларьке с мороженым и газировкой. Бабушка «Жена фашистского офицера» верила только в Германию, где живет её алхимический супруг. Даже комсомолец Боря Яйцев отказался говорить про Америку, заявив, что за это могут посадить.

В результате долгое время Америка была для меня таинственной аномальной зоной, в которую смогли попасть только Дети Капитана Гранта и то из-за ошибки дервиша Паганеля.

Тайна Америки раскрылась крайне неожиданно. В школе был Клуб интернациональной дружбы имени Патриса Лумумбы. Для вида там почитали детей-миротворцев (кто помнит, кто такая Катя Лычёва и Саманта Смит?), а на самом деле эта контора занималась отправкой детей партийцев в Америку. Оттуда они приезжали в джинсах, бейсболках, огромных белых кроссовках, постоянно чего-то жевали, как коровы, и выдували из своей жвачки пузыри. Коммунальный чародей и склочник дядя Коля оказался прав — Америку населяли говнюки и их советские прихвостни, партийцы. Простому человеку там делать нечего.

Недавно я увидел у некоего деятеля воззвание «Храм вам, а не сквер». Автор утверждает, что вокруг полно девиантных людей, которых надо спасти в храме. А парки и скверы не нужны, потому как там наркоманы оставляют «закладки». В связи с этим — новый высокодуховный рассказ про нашу девиантную коммуналку.

Советская конспирология академика Шапкина

Это совсем не изученный пласт советской коммунальной культуры. Чего боялись наши предки? Кого винили в своих бедах? Как распределялись фобии между социальными группами населения? Увы, в полном объёме до нас дошла только слишком навязчиво распиаренная агитпропом фантазмагория про злых сионистов и свободолюбивых арабов. Эта гениальная матричная модель оказалась живучей и до сих пор пользуется популярностью у недалёких любителей радикального ислама. Уверен, что в советское время набор фобий был гораздо интереснее. Для их изучения мне приходилось отпрапляться в соседнюю коммуналку, которой руководил академик Шапкин.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение: как и любое искусственное социальное явление, коммунальные квартиры никак не могли быть замкнутыми и самодостаточными социально-экономическими системами. Каждая коммуналка имела свою индивидуальную специфику. Если наша олицетворяла собой накаченных советской мистикой и печальными биографиями воинов-берсерков, некую кшатрийскую Спарту, то владения академика Шапкина этажом ниже — сборище мудрых советских брахманов. Смесь древних Афин и современной Силиконовой долины, населённой мудрецами-андеграундниками, которым вход во власть всегда был заказан. В результате научные и креативные кадры пропадали для страны, пополняя армию диссидентов. Дети этих диссидентов, позднесоветские неформалы, стали креативным классом для современной России. Так что если вам не нравятся скрепы, победобесие и милитаризация — все вопросы к панкам и хиппанам: это результат того, что когда-то они дружно косили от армии, а в зрелом возрасте принялись об этом жалеть.

Но вернёмся в коммуналки. Шапкин представлял собой смесь учёного-гения и безумного

восточного гуру. Академик Шапкин занимал две самые светлые и лучшие комнаты в коммуналке. В них никто не допускался, и никто не знал, что в них происходило. Шапкин был здоровый и сильный мужик спортивного телосложения с бородой: академик внешне очень походил на Рамзана Кадырова. Одевался он или в старую, заляпанную химикалиями военную форму, или в роскошный восточный халат, под которым ничего не было. В этом халате учёный муж ходил в булочную, устраивая сеансы эксгибиционизма. Его трубный рёв раздавался в самых разных точках города — членораздельно говорить Шапкин не умел. Кулаки Шапкина разбивали лица и стеклянные двери. Никто не мог справиться с научным гением. Шапкин боялся только героического танкиста дядю Колю Овощникова, который не раз называл гения говнюком. При этом никто не знал, чем Шапкин действительно занимается.

Какие-то обрывки информации доходили от соседок Шапкина по коммуналке. Это были тихие и смиренные женщины, внешне напоминающие монашек. Ими руководила бабка Горшкова

— настоятельница, которая отвечала за порядок в квартире и лично готовила еду для светоча науки. При этом бабка Горшкова жаловалась, что Шапкин её «лазером из плинтуса облучает», и не испытывала к учёному никакого пиетета. Другая монашка — бабка Княжна Щедринская, жаловалась, что Шапкин украл у неё термос с орденами. Словом, у всех этих женщин были самые разные претензии к гуру, которые впоследствии оформились в постсоветские фобии наших сограждан — таинственные излучения, эксперименты спецслужб и врагов России.

Поэтому в 10-летнем возрасте я не только мог уворачиваться от топора безумной Катьки Колосович, но и вести оживлённые дискуссии с монашками из секты Шапкина про масонов, происки госдепа, сотрудничество ЦРУ с инопланетянами на погибель советской души и прочие интересные темы. В результате я стал полностью недоступен ни для советских, ни для постсоветских политтехнологов, чему по сей

день благодарен. Тем не менее, могу заметить, что современные наследники Агитпропа сильно отстают в фантазии от самой зачуханной тётки из секты академика Шапкина.

Какова же судьба этого интересного поселения? Как и множество коммунальных сект советского периода, оно прекратило своё существование вместе с гуру. В конце 80-х Шапкин неожиданно оказался евреем и уехал в Израиль. Узнав об этом, я тут же ломанулся в комнаты Шапкина — мне очень хотелось узнать, какими исследованиями занимался гений. В одной комнате стоял огромный самогонный аппарат, а в другой груда бутылок с готовой продукцией. Вслед за мной в комнатах появились грустные мужчины в кожаных плащах и одинаковых костюмах. Сотрудники КГБ также разочарованно вздыхали. В коридоре грустно вздыхали тётки-монашки. Сейчас потомки Шапкина ходят в акционерах компании Symantec — одной из ведущих производителей антивирусных программ.

Без храма

Про духовные скрепы в нашей коммуналке никто не знал. Мало того, никто точно не мог сказать, где находится главный враг — Америка. Про строительство храмов и мечетей у нас также речи не шло. У мусульман в мечети была станция скорой помощи, у православных в храме — лечебница для алкоголиков. А на территории монастыря дети играли в «Зарницу». Я всегда играл за моджахедов, которые грабили караваны с тушёнкой и героином. На отсутствие культовых сооружений никто не жаловался, хотя духовных, болезненных, бесноватых персонажей у нас было более чем достаточно. Вообще трудно представить ситуацию, что мои милые соседи вдруг получили место для исполнения религиозных потребностей. Тем не менее, попробуем.

Итак, по костёлу носилась бы польская дворянка Катька Колосович с топором и в обосранной ночнушке. На 9 мая она выставяла бы посреди костёла стул и колотила по нему ритуальной палкой. И бегала бы с топором за ксен-

дзом, прихожанами и их детьми. Вслед за ней ковыляла бы в красном пальто и зелёном цилиндре Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли и делала мелкие пакости. Дядя Коля Овощников распевал бы на клиросе своё любимое слово «говнюк». А что бы делал в храме солнечный человек с синдромом Дауна дядя Вадик, который каждый день в полдень ритуально мочился на катер обкомовского работника? Что касается бабушки с наганом, то в некоторые культовые учреждения с оружием не пускают — там детекторы.

Посему никаких культовых сооружений у нас и не предполагалось. Разведчик и суфий дед Хасан делал намазы где придётся, будь то помойка или улица. И никого, кроме партийных активистов и их шестёрок, это не удивляло. Для обычных людей молитва — обычное явление. Такое же естественное, как утоление жажды и голода. Мало того, вокруг деда Хасана всегда была толпа желающих изучить Коран. И на моих глазах

происходило удивительное явление утоления этого голода. Дед Хасан учил, что весь мир окутывают незримые нити Бараки и подключаться к этим нитям можно где угодно.

У артиллериста-чародея деда Семёна вообще был огромный подвал с бутылками, где он вершил судьбы огромной страны, разбивая те или иные ёмкости. Периодически в подвале Семёна останавливались катакомбные христиане, проводили службы и крестили детей. Собрания проводили убеждённые седины Старцы, которые гастролировали по стране, ежедневно уваливая от КГБ и статьи за тунеядство. Старцы учили, что Благодать — удел людей, а не недвижимости. Недвижимость — соблазн, который затягивает человека в сети дьявола. Также Старцы учили, что забрав себе храмы, коммунисты сделали благое дело, забрав под свои сатанинские кровавые знамёна всех «паршивых овец» и оставив весь остальной мир истинно верующим. И их стоит возлюбить хотя бы за это. А если храмы вдруг вернут верующим, исчезнет Храм внутри человеческого сердца. Тогда можно будет молиться румынскому гарнитуру или «запорожцу» — главным советским ценностям. Старцы утверждали, что только в гонениях и притеснениях возможна настоящая Вера. После таких речей Старец благословлял солнечного человека дядю Вадика, а Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли снимала зелёный цилиндр и целовала крест. Старцы верили в Подвиг и Сверхшения, а не Подвал деда Семёна. В их жизни было множество других подвалов, чердаков, сараев и других конспиративных жилищ. Советские Старцы

продолжали традицию Нестяжателей, появившуюся ещё во время первого кризиса Христовой веры на Руси.

Сделала ли жизнь без храма моих милых девиантных соседей бездуховными? Если апеллировать к логике современных любителей религиозной недвижимости — безусловно, да. А вот здесь любителям недвижимости лучше заткнуться: не дай Бог им пережить то, что пережили мои девиантные соседи. Бесконечные танковые битвы дяди Коли Овощникова, убийство всей семьи Катьки Колосович, горящие заживо в вагонах санитарной летучки раненые Бабушки с наганом, изнуряющие рейды деда Хасана, когда уничтожению подлежат абсолютно ВСЕ невольные свидетели перемещений разведгруппы. Включая младенцев. Был ли дед Хасан плохим мусульманином? Не нам об этом судить.

Мои героические соседи не просто выжили. Всю оставшуюся жизнь они прожили «полной грудью», не боясь ни чёрта, ни власти. Где-то рядом с Богом. Потому что пугать их было уже нечем. Ни исключением из партии, ни непогашенным кредитом или отсутствием храма. Свой Храм, даже в приступах глубокого безумия, они всегда носили с собой. Где-то глубоко внутри. Не нам об этом судить.

Дед Семён плюнул, перекрестился и расколол трёхлитровую банку из-под солёных огурцов. На следующий день нам сообщили о смерти дорогого и любимого Леонида Ильича Брежнева. Старцы тихо молились. Мимо проскрипела тележка деда Хасана. Родина продолжала жить дальше.

Майка с Путиным

На фото — памятник Дануте Даниэльссон в шведском городишке Векшё. В 1985 году эта тётенька набросилась с авоськой на демонстрацию нациков. К ней присоединились другие горожане и нацики спрятались в общественном туалете. Поначалу ей не хотели ставить памятник, но шведы стали вывешивать на видные места женские кошёлки и авоськи. Чтобы избежать массового захламления, власти разрешили поставить памятник этой женщине.

К чему это я? А к тому, что Регинке-Трепачке Дуре-башкой-орехи-коли такой памятник никто никогда не поставит. Не смотря на её гораздо большие, чем у Дануте Даниэльссон, заслуги. Она с авоськами неоднократно бросалась и на партийных работников, и на рыночных торговцев, и на милиционеров, и на первый в городе мерседес, и вообще на всё, что было больше и сильнее её.

Дабы хоть как-то компенсировать это досадное упущение, расскажу про финал этой живой легенды нашей коммуналки.

Её подвиги закончились вместе с закатом коммунального хозяйства. Наша коммуналка просуществовала изумительно долго — до 21 века. В начале «двухтысячных» её прибрал замминистра налогов и сборов. Когда стали расселять немногих оставшихся жильцов, выяснилось, что:

во-первых, у Регинки нет никаких документов;

во-вторых, никто не знает её родственников;

в-третьих, у неё нет никаких вещей, кроме красного пальто и зелёного цилиндра. Перед финалом нашей коммуналки к этому гардеробу загадочным образом присоединилась майка с Путиным в форме подводника.

В результате Регинку забрала к себе жить моя набожная и одинокая тётушка. На новой отдельной жилплощади, без коммунальных дряг за выживание и от тоски по подвигам, Регинку парализовало. Более 10 лет она пролежала парализованная. Над её кроватью как икона висела

майка с Путиным. Большая на голову Регинка канонизировала его задолго до распиаренной Матушки Фотины. В мифологии Регинки-Трепачки Дуры-башкой-орехи-коли Путин был святым и вёл долгую кровопролитную борьбу со Швилькой. Швилькой оказался бывший министр иностранных дел СССР и президент Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, в которого вселился дух другого известного грузина — Сталина-Джугашвили.

Более 10 лет моя богобоязненная тётушка ухаживала за Регинкой. Убирала за ней дерьмо, кормила, мыла, одевала и слушала её бесконечный бред. Несколько лет назад Регинка умерла.

По злой иронии, когда тётушка позвонила мне и сообщила об этом, я был в аэропорту. Нужно было срочно улетать в Чечню бороться за права человека. Чувство долга победило — Регинку похоронили без меня. Когда же после удивительных приключений я вернулся в родной город, тётушка рассказала мне такую историю.

Когда к ней пришёл агент из похоронного бюро, то первым делом потребовал Регинкины документы. Далее последовал крайне мистический диалог:

- Документы покойной?
- Нету...
- Вообще никаких?
- Никаких... Только майка с Путиным...
- Майку с Путиным не надо, документы нужны!
- Нету документов, возьмите майку...
- Как зовут-то хоть?
- Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли.
- Вы издеваетесь?
- Нет.
- Трепачка — это фамилия?
- Не знаю...
- И как мне определить фамилию и отчество?
- Не знаю... Пишите, как вам будет угодно.
- Это как?

— Лучше как есть. Господь всё видит. Всех своих детушек узрит. Без всяких документов.

— Она кто? Ваша родственница?

— Дитя войны.

— Какой войны?

— Великой Отечественной. Если это принципиально, то Второй мировой.

В результате этой, на самом деле очень дол-

гой беседы моя добрейшая и богобоязненная тётушка осталась без своих скудных пенсионерских накоплений. Зато Регинка была похоронена по обычаю предков. На её могиле стоит скромный памятник. На нём написано «Гусева Регина Константиновна».

Майка с Путиным таинственным образом исчезла.

«Не стареют душой ветераны»

День Победы, СМЕРШ и первая бутылка деду Семёна

В те застойные времена ветераны Великой Отечественной были ещё живы, в трезвом уме и при памяти, и их не надо было заменять увещанными непонятными наградами андроидами. Мало того, некоторые из них ещё работали.

В свободное время ветераны тусили на Набережной, где подчас занимали все свободные скамейки.

С собой у ветеранов были шахматы, домино, карты, портвейн и пакетики конфет. Их они

раздавали детям, которые специально тусили вокруг них. Во-первых, можно было на халяву поесть дешёвых карамелек, а то и «школьниц». Во-вторых, было интересно послушать рассказы про войну от непосредственных участников, — которые сильно отличались от того, что говорили по телевизору.

Лишённые патриотического фантика, рассказы напоминали те самые дешёвые развесные карамельки, которые раздавали ветераны. Вроде сладкие, но не особо вкусные. В рассказах участников героических событий преобладал оборот «звиздец». В результате у меня сложилось чёткое впечатление, что все выдающиеся битвы 20-го столетия были сплошным звиздецом.

Сейчас мне иногда хочется переместиться во времени и рассказать старикам, что их потомки предпочли оборот «можем повторить».

Эту загадку мне разъяснил разведчик и суфий дед Хасан. Он пояснил, что на самом деле война была мистическим поединком двух масштабных безумцев: Сталина и Гитлера. Оба были одержимы злыми джиннами и соревновались друг с другом, кто больше уничтожит народу. В результате в 1945 году где-то под Берлином деду Семёну пришлось разбить свою первую красивую бутылку, чтобы Гитлер помер и война закончилась.

После Победы молодой артиллерист ушёл в запой и плакал, что не сделал этого раньше. В 1953-м поседевший старший лейтенант запаса повторил это упражнение. Обошлось без запоя.

Народ стал массово возвращаться из лагерей, и дед Семён был счастлив. Он понял, для чего пришёл в этот мир.

С тех пор ветераны на лавочках пили за мир и проповедовали детям пацифизм. Дедушки-ветераны всегда сидели компаниями, которые периодически мешались друг с другом. И только один дедушка всегда сидел в одиночестве на отдельной скамейке. Другие ветераны с ним никогда не общались. Рядом со стариком лежал пакетик с карамельками, но никто из детей не подходил к нему угоститься.

Ветераны пояснили, что он «смершевец» и общаться с ним «в падлу».

Меня это заинтриговало, и с трясущимися коленями я подошёл к одиноко сидящему старику. Тот удивился и протянул мне пакетик. Я взял карамельку и сел рядом на скамейку. Мы молча сидели. Казалось, прошла вечность. Потом я сказал «спасибо» и собрался уходить. Старик вновь протянул пакетик. Я вновь поблагодарил, взял несколько конфет и вновь сел на лавку. По лицу старика скатилась одинокая слеза.

Потом Дед Хасан сказал, что я всё сделал правильно. По его словам, война — это другой мир, другая реальность, и только высшие силы определяют, где и в каком качестве ты на ней окажешься. И не человеческое дело — судить об этом. Нужно просто попытаться остаться человеком. Это самое сложное.

Собственно, с этого и началось моё обучение у выдающегося мистика и разведчика деда Хасана и его друга дворника-чародея деда Семёна.

Иллюстрации Амины Котомановой

Александр (Селим Азимович) Селимов, американский поэт, писатель и литературовед, доктор филологических наук и профессор Делавэрского университета, лауреат почётной премии международного литературного конкурса Виктория Урбано (Чикаго, США 2018) и серебряный медалист фестиваля фестивалей ЛИФФТ (2019).

Родился в Махачкале, учился в 1-й и 34-й школах. В 1986 году окончил ФИЯ Дагестанского университета по специальности «французский язык и зарубежная литература»; написал дипломную работу под руководством профессора Н.В. Мелик-Саркисовой на тему «Художественная оригинальность романа “Сто лет одиночества” Габриэля Гарсия Маркеса».

Работал военным переводчиком в отделе международных отношений Министерства вооружённых сил Республики Куба. В 1990 году поступил в магистратуру Делавэрского университета в США, после окончания — в докторантуру Пенсильванского университета. В 1996 году защитил степень доктора философии по специальности «испанский язык и литература».

Преподаёт испанскую и латиноамериканскую литературу в Делавэрском университете. С 2008 по 2010 был избран сенатором, с 2010 по 2012 — президентом сената Делавэрского университета; также является почётным членом Союза писателей и художников Боливии и почётным послом культуры ЮНЕСКО. Автор книг и литературных статей, опубликованных в Испании, США, Канаде, Южной Корее и Азербайджане.

Стихи Александр начал писать на русском языке ещё в юности. Во время службы на Кубе перешёл на испанский язык. Долгое время стихи оставались способом развлечения и одновременно отдушиной для переживаний, связанных и с личной жизнью на чужбине и с воспоминаниями о родном Кавказе.

С годами Латинская Америка и испанский язык становились всё ближе, и стихосложение стало изменяться коренным образом. Стихи перестали быть взглядом чужестранца, они стали отражать взгляд на жизнь изнутри, взгляд человека, который начал чувствовать свою принадлежность к ранее чуждому миру. Литературный переводчик и профессор Йельского университета, Ноэль Валис, кубинский поэт Амаури Гутьеррес и костариканская поэтесса Анна Истару высоко оценили стихи А. Селимова.

По словам выдающегося испанского литературного критика и писателя Анжело Эстебана, «поэзия д-ра Александра Селимова колеблется между кризисом и восстановлением близости, между отсутствием и присутствием, между прошлым и настоящим, между «тобой» и «самим собой». Мы находимся в присутствии одного из самых аутентичных голосов в панораме современной поэзии на испанском языке, который, как дополнительная заслуга, полностью интегрировался в языковое сообщество и культурную самобытность, далёкую от своих корней».

Из сборника
«ОКНА В ДРУГИЕ ТЕЛА»**НОКТЮРН**

Я куплю пригоршню звёзд
в синем киоске у старого парка.
Привяжу их друг к другу тоненькой верёвочкой,
чтобы они вместе взлетели,
и отпущу
просто так.
А сам пойду потихоньку,
и когда уже настанет вечер
буду любоваться их отблеском
в водяном зеркале луж.

ОСОЗНАНИЕ

В тёмной отшельнической келье,
капризно сделанной из воды, соли и костей,
живу, не рассчитывая на вечность.
Мне будет достаточно
достойного прощания
и поцелуя судьбы
на пороге перед дверью,
где кончается время.

НА БЕРЕГУ

Мне нравится быть сегодня
и здесь
на тёплом морском берегу,
среди яркой зелени пальм,
приветствующих меня
ленивыми поклонами.

Радует послушный аромат
крема для загара,
раздуваемый ветром.

Солнце проводит летней кисточкой
по телам,
по всей этой еле прикрытой плоти,
подрумянивая лица, груди, спины
и ягодицы,
отдающиеся с эротическим вождением
неуловимой солнечной ласке.

СВОБОДА

Не грусти, дружище,
хоть уже поздно
и громко бьют в барабаны у соседей!
Распахни окна
и вкуси
вечерний аромат тропиков
и звуки африканского наследия.
Пусть радуется
каждая клетка в твоём теле,
и о работе ты забудь,
и о делах,
ведь это завтра!
Не хочешь стать кубинцем этой ночью?
Ты руки возложи на кожу звонкую,
сыграй,
отзовись эхом
и стань порывом ветра.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Не хочешь сесть со мной
в весенний поезд?
Вот-вот он отойдёт..
Куда?
Какая разница?
Пойми,
не ясность направления нужна,
а стук колес,
гармония ветра.

Что? Нет больше в бизнес-классе мест?
Не будем так чванливы,
срок истекает
скоро испить до дна
придётся чашу нам
предложенную свыше.

Давай не думать о поникшей коже,
не будем замечать морщин
ни седины,
отбросим все предлоги и оправдания,
поднимем взор
без страха уколоться.

Пусть отголоском света нам навстречу
взлетит шальная мысль:
мы всё ещё юны
шальная мысль, она ведь не угасла...
она живёт
в тепле гранатных губ.

Давай оставим за плечами память
всех юбилеев, праздников и дат,
паспортных данных хлам,
и дней рождения,
не важно, сколько было их у нас.

Представь себе,
что перед нами первый миг
как капелька в большой реке
и новой цветной жизни

пусть бабочки встрепнутся,
как в том полёте жёлтом,
что у Маурисио Вавилония был.

Под шёпот крыльев их
мурашки наших тел соприкоснутся
и нам не стоит ничего бояться
чернильный воздух режут фонари.

И снова вижу
в твоих зрачках скачут рассветы,
кусать они готовы воздух в той одышке,
случившейся
не бегая по лестнице
наверх.

ДНЕВНИК ТАНИ САВИЧЕВОЙ

Каждый раз, когда ещё одно имя
пропадало в трещинах времени
среди стен,
обитых каждодневным ужасом войны
и пустым ожиданием хлеба,
ты стирала боль отсутствия
вцарапывая строки
в штукатурку ленинградской квартиры.
Эти страницы,
как капельки света среди

ВДОХНОВЕНИЕ

Рассвет из тысячи тропинок,
и каждая из них
уносит в новое пространство,
туда,
где столько ненаписанных страниц
в терпеливом ожидании
своей очереди.

Белые тополя безмятежно чеканят дни,
и кто-то
уже снимает слова с их веток,
не думая о том,
поспели они или нет.
Вот тут какие-то силуэты
бродят в чёрном пламени,
кому-то дали лодку и весло,
трибуну,
пьедестал...
там кто-то мечется
на неподкованном Пегасе,
обломанные перья
роняет по пути...

Но если между пальцев
у тебя
источник вдохновения искрится,
плюнь на всё,
не упускай свой горизонт
или мираж.

Из сборника «ВЫЗОВ»

потухших свечей
выжжены памятью
на коже зимы 44-го.

ВОЙНА

Голод и боль в глазах.
Коленки прижаты к груди.
В темноте затаился страх —
нет надежды на ночь впереди.
Подожди, я сейчас вернусь, —

прошептала, обняв её, мать.
Но был шум и крик во дворе
и застыл зимний воздух опять.
Оборвав тишину в подвале,
сапоги распахнули дверь,
вздвогнув, руки ребёнка упали,
влившись тенью в реку потерь.

КАСПИЙСКИЙ ВЕРИЛБР

В памяти,
забрызганной ностальгией
пробуждается аромат летнего песка
и водорослей.
За белизной хохолоков Каспия,
в дымчатых хлопьях рассвета,
прорезается силуэт Тарки-Тау —
застывший, словно лайнер
на якоре вечности.
Протягиваю руки и трогаю воду,
круги разбегаются под пальцами.
Детский смех
солнечным зайчиком
скачет по морской ряби.
Сквозь закрытые веки узнаю небо,
облака, ветер,
образы прошлого.
Превозмогая дрожь в мышцах
и неземное притяжение,
липнущее
гроздьями песчинок к ступням,
взлетаю,
птица без крыльев,
в эхо голосов,
в котором меня давно нет.

ЯНВАРСКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Январь скользит по окнам
в доме моего детства,
оставляя ледяные узоры и кружева
на стекле.

Просфора изморози
на детском язычке.

Дышу на стекло
и открывается дверца в капризном рисунке

проявляются ветви сосен,
согнувшиеся под тяжёлой ношей снега.

Я слышу отдалённо
голос бабушки:
«Отойди, простудишься!»
Её пугают сквозняки,
застарелый холод.

Это зимнее причастие
ещё пока не метафора,
а просто время года.

ОСОЗНАНИЕ

Всплески пыли
методичное постукивание по стенам
не дают поднять головы.

Отвечаю, не глядя,
знаю, что там,
на другой стороне оврага,
сидишь ты
в узкой чёрной пасти,
ожидая меня.

Уже год караулишь,
в надежде войти
в моё тело и кости
дробящим, кровавым винтом.

Конечно, я понимаю,
что нет в тебе ненависти.
Это просто работа.
Ты есть, потому что есть я.
Всё просто.

Затихла стрельба, и выждав немного,
выглядываю
короткий свист как плевок
О да...
наша встреча с тобой
это сегодня.

БЕССОННИЦА

Пули обрушиваются на окна
и кусают стену.
Три мака прорастают на твоей груди.

Мгновение назад
ты шёл спокойно,
гимнастёрка расстёгнута,
ленивый «калаш» на плече.

А сейчас ты на полу,
покрытый битым стеклом
и брызгами бетона.
Синева застыла в твоём взгляде.

Сон прогуливается на расстоянии
и не подходит.

ВАШИНГТОН ДЦ.

Пустота в душе,
с дембельской сигаретой в руке
я шагаю по городу,
набитому безделушками.
Санта Клаусы улыбаются в витринах,
цветные огоньки подмигивают прохожим,
праздничный амбианс на улицах и в домах.

Красные носки свисают
на углах камина.
Ребятишки украдкой поглядывают
на новогоднюю ёлку.

“We wish you a Merry Christmas
and a happy New Year.”

Стоила ли того смерть тысяч иракских детей?

На экране лицо Мадлен Олбрайт
среди манекенов с ледяными взглядами.
Ей не бил в лицо ветер с песком,
запах гари
и сгоревших тел,
да и цифры — это просто статистика.
Для неё — “да, игра стоит свечей”

Падают снежинки на тротуары,
сыплются бомбы на Ирак.

“We wish you a Merry Christmas
and a Happy New Year.”

Из сборника «ПОСТФАКТУМ»

САНТА МАРИЯ ДЕЛЬ МАР

Ты идёшь у самой воды
навстречу уходящему солнцу,
ступни погружаются в песок
среди полосок морской пены.
Волосы празднично теребит
вечерний бриз,
и они развеваются как флаг
цвета пшеничного колоса
вокруг твоего лица,
словно писанного с иконы.

Ты поднимаешь голову
и замечаешь меня,
опытный взгляд
стреляет на мои очки и часы,
и тебе сразу понятно,
что я иностранец,
один
вне сезона
на этом пляже в восточной Гаване.

Подходишь с улыбкой,
загорелые бёдра
ягодки на груди
взъерошивают воображение.

Но таинство быстро погибает
в прагматизме твоего предложения.
Пытаюсь перевести всё в шутку,
предлагаю тебе прогуляться по набережной,
поужинать,
пощекотать звёзды ночным смехом
и нерифмованными строчками,
почитать и послушать стихи.

Ты удивлённо смотришь на меня,
как будто бы в сомнении,
и вдруг смешинка прозревает в твоих глазах
и ты кокетливо меня бьёшь по руке,
кивая головой:
«Ладно, шалунишка, пойдёт,
но только смотри,
эта фантазия тебе обойдётся дороже».

КУЛЬТУРНЫЙ
КПОРТРЕТ

